
МАРИНА
МАРТОВА
ИЗМЕНА
БОЛЬШЕ НЕ
в твоей власти
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Марина Мартова

Измена. Больше не в твоей власти

«Автор»
2026

Мартова М.

Измена. Больше не в твоей власти / М. Мартова — «Автор», 2026

Любимый муж предал меня - изменил, уничтожил мой бизнес, покусился на моё наследство, но не отпускал меня и требовал, чтобы я оставалась с ним рядом. Только я решила по-другому. Разведусь. Накажу. Уничтожу!Ты ответишь мне за всё, милый!Встречается ненормативная лексика и жестокие сцены.

© Мартова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 12
Глава 5 14
Глава 6 16
Глава 7 18
Глава 8 20
Глава 9 22
Глава 10 24
Глава 11 27
Глава 12 30
Глава 13 32
Глава 14 34
Глава 15 36
Глава 16 38
Глава 17 40
Глава 18 42
Глава 19 44
Глава 20 46
Глава 21 48
Г 50
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Марина Мартова
Измена. Больше не в твоей власти

Глава 1

Виктория

- Ну, Кирилл, колись, как там твоя девочка? – веселый голос Сергея, нашего друга и крестного нашей дочери, доносится из-за приоткрытой двери кабинета мужа.

Замираю на пороге, приподнятая рука, которой я хотела нажать на ручку, зависает в воздухе.

По спине пробегает странный нервный озноб.

«Твоя девочка».

Эта фраза режет слух и ледяным покалыванием проходит по коже. Дыхание резко сбивается.

Мне не очень приятно, что мужчины вот так обсуждают меня.

Сжимаюсь в комок, и вся превратившись в слух, жду, что ответит муж.

- Моя девочка? - Кирилл хмыкает, и в этом звуке слышится томное предвкушение, - она – как наваждение. Даже не ожидал такого, честно. Умная, красивая... и в постели она... ммм… - он громко цокает языком, и кто-то из мужчин усмехается – пошло так и отвратительно.

Воздух с шумом выходит из лёгких.

Слова Кирилла обжигают.

Он рассказывает обо мне слишком откровенно!

И пусть это слышат только наши друзья… неужели Кирилл не понимает, насколько это всё унизительно для меня.

Я уже делаю шаг, чтобы войти и остановить этот неуместный разговор, но муж продолжает тем же разнеженным, довольным тоном:

- Да, Вероника – это просто дикий огонь.

Вероника.

Имя обрушивается на меня как удар обухом.

Тихо. Сокрушительно. Больно.

В ушах – абсолютная, звенящая тишина, я даже глохну на несколько мгновений, а внутри уже когтистыми лапами скребёт боль – невыносимая и обжигающая одновременно.

Ледяная волна накатывает сверху вниз. Обливает меня от макушки до пяток. Сковывает дыхание.

Он говорит не обо мне.

«Вероника».

Её имя острыми иглами впивается в память… и я понимаю, о ком говорит мой муж.

Вероничка.

Девочка, которую я, казалось, совсем недавно держала на своих руках. Милая малышка с озорной улыбкой… которой теперь уже двадцать три года, и она учится в университете, но я всегда воспринимала её как прелестную маленькую девочку… но Кирилл, оказывается, видел её совсем по-другому.

Да, всё, как и сказал муж – умная, красивая… змея.

Вероника Супова.

Дочь наших партнёров.

Наша новая практикантка на эту осень… и любовница моего мужа.

Весь мой мир с грохотом рушится. Стеклянный розовый купол, под которым я, оказывается, жила, рассыпается на миллионы острых осколков, ранящих душу.

Невыносимая боль выкручивает все внутренности, и я прикрываю на несколько мгновений глаза, в тщетной попытке справиться с ней, а потом… потом моя рука медленно опускается на золотую ручку и толкает тяжёлую тёмную дверь.

Уверенно прохожу в кабинет. На лице маска ледяного спокойствия.

Да, спокойствия, так как я уже всё для себя решила.

Как бы ни было больно, с предателем мне не по пути, и голову прятать в песок я не буду.

Пять пар глаз сразу упираются в меня. Мужской смех резко обрывается. Воздух в кабинете становится густым, пропитывается напряжением.

На лицах мужчин – наших друзей, которых я знаю почти половину своей жизни – замешательство, быстро прикрытое натянутыми, фальшивыми улыбками.

Клоуны.

А на его лице... Ничего. Ни тени смущения. Ни искры осознания кощунственности происходящего. Только лёгкое, почти ленивое удивление в приподнятой брови. Как будто я – непредвиденная и незначительная помеха в этих мужских посиделках.

Это спокойствие... Эта обыденность предательства... добивает.

Окончательно и бесповоротно.

Уверенной походкой иду к развалившемуся в своём кресле мужу. Каблуки отбивают чёткий, металлический ритм по начищенному паркету.

Смотрю только в наглые глаза Кирилла. Человека, который только что смаковал подробности сексуальных умений другой женщины, называя её... своей девочкой.

На моём лице – идеальная, отрепетированная годами холодная улыбка, а подо всем этим льдом – кипящий ад.

Душа моя в этот момент отчаянно кричит от боли, рвётся, умирает.

Останавливаюсь рядом с предателем. Пальцы сами находят на безымянном пальце обручальное кольцо. Тонкий золотой ободок с небольшим бриллиантом. То самое кольцо, что Кирилл, будучи ещё студентом, надел мне, дрожащими от счастья руками, двадцать лет назад.

Снимаю его лёгким, почти невесомым движением… и в это мгновение оно мне кажется абсолютно чужим.

Кто-то из мужчин громко ставит бокал с алкоголем на стеклянный столик, кто-то откашливается в кулак, краем глаза замечаю, как громоздкая фигура, сидящая слева резко встаёт…

А я наклоняюсь ближе к лицу предателя и замечаю, как оно всё-таки бледнеет. В карих глазах, таких родных недавно и теперь чужих крошится вся уверенность и надменность.

Молча разжимаю пальцы, и золотой ободок с тихим плеском падает в его наполненный виски бокал.

- Подарок твоей девочке, - мой голос звучит до ужаса спокойно и ровно, без единой эмоциональной ноты, - мне чужого не нужно.

Тишина в кабинете становится абсолютной, звенящей. Слышно, как за огромным окном гудит вечерний город.

Разворачиваюсь. Делаю шаг к выходу.

Надо уйти. Сейчас. Пока лёд не растаял и не обнажил всю мою нестерпимую, дикую боль… но знакомая рука – сильная, властная – с привычной, собственнической грубостью впивается в моё запястье.

- Парни, оставьте нас, - раздаётся холодный, с лёгкой хрипотцой голос Кирилла.

Глава 2

Виктория

Наши… вернее, теперь уже друзья только Кирилла суетятся, молча начинают подниматься.

- Вик… ты это, не ру… - начинает Сергей, а я вскипаю.

Он смеет мне давать советы?!

Сейчас?! Когда минуту назад интересовался «девочкой» моего мужа, а в воскресенье заезжал к нам домой на дружеские посиделки с шашлыком и салатами?!

Какой же лицемер!

Такой же предатель, как и мой муж!

Все они в этом кабинете подонки!

Дикая, слепая, всесокрушающая ярость прорывается наружу, и мой напускной лёд даёт трещину. Распрямляю плечи и чувствую, как натягивается плотная ткань моего тёмно-синего пиджака.

Перевожу убийственный взгляд на бывшего друга семьи, и он затыкается.

Вот и отлично!

Пусть подавится своим крайне нужным мне сейчас советом!

Марат, бывший одногруппник Кирилла, стоящий напротив меня с другой стороны низкого столика, молча подходит к окну, одним быстрым движением резко распахивает его и закуривает.

Сигаретная вонь быстро забивает лёгкие, но не затмевает паров лжи, пропитавших воздух большого тёмного кабинета мужа.

Я дёргаю свою руку из захвата мужа с такой силой, что Кирилл не удерживает меня.

Тонкий золотой браслет впивается в кожу и рвётся от этого резкого движения. Кожа на запястье горит огнём, но я почти не замечаю этого. Гораздо сильнее сейчас пылает моя душа.

Обегаю взглядом этих мужчин. Наших общих друзей, которые танцевали на нашей свадьбе, качали на руках наших детей, делили с нами радости и помогали в беде... друзей, которые только что слушали, как мой муж рассказывает о любовнице… и которые до этого разговора прекрасно были осведомлены о ней.

Смотрю на них и мне безумно хочется встать под горячий душ, чтобы смыть с себя паутину их вранья, следы их жалостливых и понимающих взглядов.

Предатели!

- Зачем же? – мой голос звучит ядовито-сладко, даже насмешливо, - оставайтесь. Вам же нужно обсудить грандиозные возможности «ваших девочек» по обслуживанию ваших стареющих членов. Нельзя, прерывать такой важный стратегический совет.

Мужчины бледнеют, я вижу, как они злятся – желваки ходят на их каменных лицах.

- Вик, ты перегибаешь, - нервно бросает Денис, свидетель на нашей свадьбе, - я понимаю…

- Я понимаю лишь одно, - резко и даже грубо перебиваю его, – вы все, кого я считала своими друзьями, вы просто ничтожества. Надеюсь, больше никогда вас не увидеть.

Не даю им опомниться. Не хочу слушать их бредни про понимающих жён, а только это они мне сейчас могут сказать.

Резко разворачиваюсь и выхожу из пропахшего парами алкоголя, их вранья и бахвальства кабинета.

Не бегу.

Иду, гордо выпрямив спину. Тонкие каблуки громко цокают в такт гулкому болезненному биению моего сердца.

Дверь закрывается за мной с тихим, но оглушительным в тишине коридора щелчком.

Слышу, как громко начинают материться мужчины, оставшиеся в кабинете за моей спиной, но больше не прислушиваюсь и не вникаю в их разговоры. Главное я уже услышала - мой муж изменяет мне.

Быстро шагаю к лифтам одна в холодном, пустом, ярко освещённом пространстве.

И только сейчас, когда меня никто не видит, по щекам медленно, по одной, скатываются первые горячие, солёные слёзы.

Быстро стираю их пальцами.

Останавливаюсь перед лифтами.

Никто не бежит за мной, не останавливает.

Кирилл за двадцать лет прекрасно изучил меня и знает, что измену я не прощу ни при каких обстоятельствах.

Это конец.

Финал нашего брака.

Обида и злость клокочут в груди, ладони сжимаются в крепкие кулаки. Мне так хочется выместить сейчас на чём-нибудь свои бешеные эмоции… и словно выполняя моё желание, двери лифта с лёгким шипением открываются… и на меня робко хлопая своими наращёнными ресницами смотрит Вероника.

Глава 3

Виктория

- Виктория Сергеевна? – её голосок звучит слишком растерянно. Конечно. Она же не ожидала, что застанет меня в офисе фирмы в нерабочее время, потому и пришла к Кириллу.

Боль и обида вспыхивают в груди новым обжигающим витком, но я беспощадно давлю их.

Медленно прохожусь оценивающим взглядом по любовнице мужа с ног до головы. И впервые смотрю на Вероничку не как на дочку наших партнёров, а на женщину – высокую, стройную... или даже слишком худую, но безусловно красивую.

Красный пиджак надет на голое тело, приоткрывая вид на небольшую грудь. Каскад золотистых волос рассыпан по плечам, тонкие пальчики с красным хищным маникюром нервно теребят широкий кожаный пояс облегающей чёрной юбки, а большие голубые глаза растеряно смотрят на меня.

Она выходит из лифта и растерянно застывает рядом со мной.

Зря.

Ох, зря.

Я, конечно, умею держать себя в руках, но сейчас я на грани.

- Вероника, - говорю мягко, но вижу, как любовница мужа, наверно улавливая моё настроение, вся сжимается словно ожидая от меня удара, - чего ж ты остановилась? Иди, не задерживайся. Кирилл Львович, как раз рассказывал всем о твоих... неординарных способностях к обучению. Мужчины, уверена, под впечатлением.

Её лицо становится пунцовым.

Она прекрасно поняла меня.

- Виктория Сергеевна… я… - ещё немного и она сольётся со стеной.

И вот на это безвольное ничто позарился мой муж?

Стоит вспомнить о нём, и тут же в коридоре раздаются мужские шаги… и его я узнаю из сотен других.

Тяжёлые. Широкие. Уверенные.

Сердце делает кульбит в груди, пульсирующим угольком запрыгивая в горло.

Сильнее сжимаю ладони. Не оборачиваюсь. Отхожу от бледной Веронички и повторно нажимаю на кнопку вызова лифта.

- Кирилл Львович! – широко улыбается она, замечая моего мужа и бросается к нему.

Хмыкаю.

И как только она на своих ходулях удержалась…

- Вероника, - муж явно удивлён появлением своей любовницы, ну, или хорошо играет. Как я недавно выяснила – у него это отлично получается, - тебе лучше уехать. Я занят, - голосом резко рубит и отходит от вцепившейся в его руку Веронички.

Ох, вы посмотрите, какой грубиян, а?

Мог бы уже не стараться.

Рядом со мной встаёт Марат, но я не двигаюсь и не смотрю в его сторону.

Он мне больше не друг. Так, давний университетский знакомый.

Сердце снова ноет в груди.

Скорее бы уже лифт приехал!

Находиться здесь невыносимо!

- Вика, подожди, - Кирилл становится с другой стороны от меня. Его голос по-прежнему спокойный и ровный, но я слишком хорошо знаю мужа и улавливаю в его тоне напряжение, - давай обсудим всё как взрослые люди. Без... посторонних.

Он делает ещё шаг ко мне, вставая вплотную. Его рука тянется, чтобы коснуться моей, но я быстро убираю руку за спину. Поворачиваюсь к нему.

- Обсудить что, Кирилл? – спрашиваю я тихо, глядя только на него, - твои методы наставничества? Или то, как быстро практикантки осваиваются с тобой в... горизонтальном положении?

- Виктория, прекрати язвить, - Кирилл хмурится, и маска равнодушия слетает с его лица. Желваки ходят на скулах. Злится.

- Возвращайся к своим клоунам, Кир, и не забудь прихватить свою нимфетку. Покажешь, чему успел её научить… на практике, - шиплю мужу в лицо.

Поворачиваюсь и уверенно шагаю в открывшиеся двери лифта. Моё сердце гулко колотится, но спина прямая.

- Виктория! – уже не просьба – приказ… только на меня он больше не действует.

Вслед за мной в лифт входит Марат. Двери с медленно закрываются, наконец отсекая меня от недовольного мужа с его любовницей.

Наступает вязкая тишина. Лифт плавно трогается вниз.

- Я не знал, - тихо, но отчётливо произносит Марат.

Я лишь горько хмыкаю, не удостаивая его взглядом.

- Вика, - его голос меняется, становится ниже, - я только сегодня вернулся из полуторамесячной командировки в Дубай. Я зашёл к нему буквально час назад. Я... я действительно не знал.

Я медленно поворачиваю к нему голову. Ловлю его взгляд. В тёмных глазах Марата нет привычной насмешки. Только усталое недоумение и какая-то странная, неподдельная тяжесть.

Лифт мягко останавливается на минусовом этаже. Двери замирают, готовые открыться.

Марат не отводит взгляда.

- Верь мне, - его голос звучит слишком тихо.

Не отвечаю.

Нет сил разговаривать.

Мы вместе выходим на подземный паркинг. Прохладный ночной воздух пропахший бензином бьёт в лицо, но не приносит облегчения. В горле стоит ком, а в висках стучит от пережитого унижения.

Пикаю сигнализацией, но Марат неожиданно вырывает из моих ослабевших пальцев ключи.

- Ты что творишь?! – голос срывается на хриплый шёпот, - отдай сейчас же!

- В таком состоянии я не пущу тебя за руль, - его тон не терпит возражений. Он берёт меня за локоть и не грубо, но настойчиво тянет к своей чёрной «бэхе», припаркованной неподалёку, - поедем на моей машине. Я отвезу тебя.

- Ключи отдай. Машину закрою, - механически бормочу я, уже не сопротивляясь. Гнев сходит, оставляя после себя ледяную, изматывающую пустоту. Я понимаю, что в словах Марата есть правда – за руль мне сейчас действительно не стоит садиться. Руки дрожат.

Он протягивает мне ключи, и я глухо щёлкаю сигналкой, гася огни своей красной малышки. В тишине подземного паркинга звук кажется неестественно громким.

И в этот момент из-за бетонной колонны неожиданно появляется Кирилл.

Сердце на мгновение замирает, а потом срывается в бешеный галоп. Даже сейчас, после всего, его появление заставляет его биться чаще. Ненавижу себя за эту глупую, рефлекторную реакцию.

Я неосознанно делаю шаг назад, упираясь в холодную дверь машины Марата.

Кирилл делает несколько широких, размашистых шагов вперёд. Он в одной белой рубашке, уже без пиджака и галстука, а на его лице – не маска спокойствия, а голая, неконтролируемая ярость.

Он подходит почти вплотную к нам, перекрывая собой всё пространство, и жёстко, отчеканивая каждое слово, произносит:

- Я сам отвезу жену домой, Марат.

Глава 4

Виктория

Жёсткий голос Кирилла, словно удар кнута, рассекает мрачную тишину между нами.

Воздух на парковке мгновенно сгущается, становится тяжёлым, как перед сильной грозой.

Вздыхаю и с шумом выпускаю из себя воздух. Холод металла обжигает кожу, но я почти не замечаю этого - мой взгляд мечется между двумя застывшими напротив друг друга мужчинами. В душе расползается плохое предчувствие.

Чёрные глаза Марата, обычно насмешливые, сейчас становятся холодными и непроницаемыми, как лёд. Взгляд мужчины устремляется на моего мужа. Марат не отступает ни на сантиметр, наоборот, он делает шаг вперёд, и частично закрывает меня своей широкой спиной от кипящего от злости Кирилла.

Золотые часы на широком запястье Марата сверкают под тусклым светом ламп, когда мужчина поднимает выше рукава своей тёмно-синей рубашки.

Нет… он ведь не собирается драться с Кириллом?

Внутренне вся сжимаюсь. Опасность, уже отчётливо витающая в воздухе, заставляет меня напрячься.

Нет-нет-нет... драка – это точно не выход.

Уже открываю рот, чтобы вмешаться, но Марат меня опережает.

- Не думаю, что это хорошая идея, Кир, - голос моего защитника тихий, ровный и кажется невероятно спокойным после злого рыка мужа.

Кирилл лишь удивлённо выгибает бровь на это высказывание Марата.

- Это не предмет для дискуссии. Вика - моя жена, - выделяет нужное ему слово, а потом уверенно делает шаг вперёд, сокращая дистанцию до уже крайне опасной. Я даже улавливаю исходящий от Кирилла запах дорогого виски и горького табачного дыма, - мы с ней разберёмся без твоей помощи. Отойди, - мрачно произносит предатель и буравит Марата полным кипящей ярости взглядом.

Внутри меня всё сжимается в тугой, болезненный комок.

Я не хочу, чтобы они здесь сцепились из-за меня.

Это в конце концов глупо!

Я не трофей и не приз, который можно отбирать друг у друга.

Я – человек со своими чувствами, страхами и эмоциями... и да, с обидами тоже!

Чёрт. Лучше бы я на своей малышке поехала!

Мысль о том, чтобы сесть с мужем в одну машину, заставляет меня нервно содрогнуться.

Протяжно выдыхаю и всё-таки заставляю себя отлипнуть от двери машины. Ладони сжимаю в кулаки, собирая туда же всю свою храбрость.

- Вы оба, прекратите! Хватит тут бравировать своей самцовостью! - мой голос звучит хрипло и громко, эхом отдаваясь от бетонных стен паркинга, - я не вещь и не переходящее знамя! Я сама решу куда, с кем и на чём поеду... – говорю, но мужчины не слышат меня. Их мир сужается до пространства между ними, до немого поединка их сцепившихся взглядов.

- Она в шоке, Кир, - не повышая голоса, парирует Марат, совершенно не обратив внимая на мою гневную тираду… но его взгляд вдруг резко перепрыгивает с Кирилла на меня, быстро скользит по моему лицу, и по тому, как он хмурится, я понимаю, что Марат видит всё – и дрожь в руках, и высохшие следы недавних слёз, - ты действительно думаешь, что сейчас лучшее время для ... выяснений отношений? – он снова переводит взгляд на моего мужа, - остынь.

- Не указывай мне, что делать со своей женой! Своей обзаведись сначала, чтобы умные советы раздавать! – Кирилл почти рычит, и его правая рука сжимается в кулак. Белая рубашка

натягивается на плечах, - отойди от Вики! Ты вообще кто такой, чтобы меня останавливать? Мне казалось, ты мой друг? – он язвительно выплёвывает последнее слово, а я совершенно не понимаю, что за кошка между мужчинами пробежала. Раньше они такого себе не позволяли.

Марат лишь чуть приподнимает подбородок.

- В данный момент я тот, кто видит дальше твоего носа. Отпусти её, Кирилл. Дай ей время.

- Время?! – Кирилл издаёт короткий, отвратительный смешок, - время для чего? Для тебя, Марат?

В голосе мужа столько грязного намёка, что меня передёргивает от омерзения, а Кирилл подходит к другу вплотную, и их напряжённые тела почти соприкасаются.

Я открываю рот, чтобы крикнуть, чтобы остановить назревающее безумие, но в этот момент в подземном паркинге становится очень шумно – из открывшихся створок лифта вываливаются «друзья» нашей семьи вместе с улыбающейся Вероничкой…

Глава 5

Виктория

На мгновение я теряюсь, когда вижу эту толпу, и выпускаю из вида Марата и Кира.

Бывшие друзья и любовница моего мужа быстрыми шагами идут к нам. Мужики, довольно ухмыляясь, о чём-то спрашивают Веронику, и она, опустив глаза, что-то бормочет в ответ. Я даже отсюда вижу, как она заливается краской.

Понятно. Товар, расхваленный моим мужем, решили оценить по достоинству.

Хмыкаю про себя и резко возвращаюсь в реальность.

Надоело, честное слово.

- Я поеду сама, - бескомпромиссно заявляю, бросая быстрый колючий взгляд на застывших напротив друг друга мужчин, - на своей машине, - холодно уточняю, если кто-то из них не понял, - а вы продолжайте…

Пусть дерутся, если так хочется.

Я им в няньки не нанималась, поэтому пошли они все к чёрту!

Сжимаю в ладони ключи от своей малышки и делаю шаг в её сторону, но тут же шиплю от боли – Кирилл грубо ловит меня за запястье. Резко оборачиваюсь и врезаюсь в него пылающим ненавистью взглядом.

- Не за ту женщину цепляешься. Тебе любовницу лучше проводить, - шиплю мужу в лицо, стараясь выдернуть свою руку, и ещё сильнее злюсь, потому что Кир не отпускает, - смотри, там уже твои «друзья»… - я выделяю пальцами свободной руки в воздухе кавычки, впиваясь взглядом в его карие наглые глаза, - слюнями весь бетон закапали. Не проморгай, Кир, свою шваль.

Ядовитые слова сами срываются с моих губ, но я и не пытаюсь себя останавливать, хотя не понимаю, в какой момент я стала настолько грубой.

Очевидно, это стресс так действует на меня.

Вот и отлично!

Хотя бы словами смогу врезать предателю.

Лицо мужа искажается от злости. Он снова дёргает меня на себя, и я грудью бьюсь о его стальной торс. Жар его кожи пробивается сквозь тонкую ткань моей шёлковой блузки обжигая. Он сверлит меня пылающим взглядом, а я еле дышу – от его близости мне физически плохо.

- Что ты вообще несёшь?!

- Правду говорю! Ты – предатель, она твоя шлюха! – бросаю ему в лицо, ладонями упираясь в его напряжённую грудь.

Ненавижу его!

Никогда не думала, что можно вот так, в один момент, возненавидеть человека.

Всё это происходит буквально за пару мгновений, а в следующую секунду Кирилл вдруг отлетает от меня, выпуская из захвата мою руку.

Потираю болезненно ноющее запястье, а Марат быстро становится между нами. Всё его ледяное спокойствие слетает, как маска.

- Кир, я сказал, остынь! – его голос теперь звучит грубо и властно. Широкие плечи расправляются, делая его высокую фигуру ещё более массивной. Ногами мужчина уверенно и твёрдо упирается в бетонный пол.

И вот сейчас точно будет драка, потому что Кир не позволит никогда так с собой разговаривать.

- Эй, парни! Кир! Марат! – окликает застывших в агрессивных позах мужчин Сергей, подходя ближе. – Харэ вам! Давайте по домам разъезжаться!

Он совершенно глупо в этой ситуации улыбается и хлопает Кирилла по плечу, но это немного разряжает обстановку.

- Алкоголь плохо действует на вас обоих, друзья мои. Давайте я сам отвезу Вику домой.

Сергей на мгновение поворачивает голову ко мне, и вдруг... подмигивает.

Быстро, почти незаметно.

И тут же вновь поворачивается к моему мужу, и его лицо снова становится глупо-увеселительным.

- Право слово, мужики, не позорьтесь! Мордобоя нам ещё не хватало.

Кирилл фыркает и с силой сбрасывает руку Сергея. Его взгляд всё ещё полыхает яростью, он тяжело дышит, сжав кулаки. Муж не хочет уступать, но давление Марата и присутствие зрителей заставляют его отступить.

Он бросает на меня злой взгляд и хмуро кивает Сергею.

А я уже не сопротивляюсь. После этого всплеска эмоций пустая апатия снова накатывает на меня.

Да, мне противно находиться рядом с Сергеем, со всеми этими людьми, но сил бороться сейчас больше нет.

Хочу просто лечь в свою кровать и как можно дольше проспать, успокоиться… чтобы завтра снова собрать свои силы и ринуться в бой – подать на развод.

Не надо мне никаких задушевных разговоров, извинений, подарков… и обвинений, которые обязательно вывалит на меня Кир, тоже не надо.

Сергей берёт меня под локоть, но я тут же сбрасываю его руку. Слышу, как он невесело хмыкает, но даже не поворачиваюсь к мужчине, просто механически шагаю рядом с ним… и уже садясь на пассажирское сиденье, я вижу это – Кирилл садится за руль своего чёрного внедорожника, а рядом с ним на месте пассажира уже сидит Вероника.

Не знаю, что я в этот момент чувствую, но внутренности будто сворачиваются в тугой клубок. Дыхание обрывается… а любовница мужа ловит мой взгляд, и на её кукольном лице расцветает улыбка.

Смущённая. Искренняя. И до глубины души торжествующая.

Глава 6

Виктория

Видеть этих двоих вместе не просто больно - убийственно.

Мёрзлая пустота разверзается внутри.

Отвожу взгляд, выдыхаю и обнимаю себя руками, чтобы хоть немного согреться и унять бьющую по телу дрожь.

- Замёрзла? – голос теперь уже бывшего друга звучит слишком нервно, но он выдёргивает меня из чёрного марева мыслей. Поворачиваю к нему голову и севшим голосом отвечаю:

- Есть немного.

Сергей кивает и молча нажимает какие-то кнопочки, а я удобнее устраиваюсь на низком сидении. Заставляя себя не смотреть вперёд, медленно обвожу взглядом бежевый салон новой игрушки Сергея.

Это уже пятая его спортивная машина на моей памяти. Каждый раз – новый цвет, новая модель, но та же его маниакальная страсть к скорости и кипящему адреналину в крови.

Сергей никогда не сидит на месте. Ему постоянно нужны новые бешеные эмоции, а спорткары – это агрессия, мощь, страсть.

Пустым усталым взглядом касаюсь ухоженных мужских пальцев. Они уверенно держат обитый светлой кожей руль. Контрастные чёрные швы резко выделяются на бежевой оплётке.

Медленно перевожу взгляд на сосредоточенное лицо Сергея. Я знаю, он любит эту машину, как любят капризную, но прекрасную женщину… не первую и не последнюю в его жизни.

Вдыхаю запах дорогой кожи, чувствую скрытую мощь, которая едва слышно гудит под капотом… и поворачиваюсь вперёд.

В сердце у меня – абсолютная, холодная пустота, так резко контрастирующая с показной роскошью салона дорогой игрушки Сергея.

Вздыхаю. Стараюсь тихо, но мужчина слышит и переводит на меня свой внимательный взгляд. Я ощущаю его жар кожей, но не поворачиваюсь.

Я устала и хочу отдохнуть от всех этих игр.

Желательно в своей кровати, но, думаю, сегодня это будет невозможно.

Огненно-красная малышка, наконец, плавно трогается с места и ловко выезжает с подземной парковки, легко догоняя чёрный внедорожник моего мужа… и я вижу, как автомобиль Кира резко уходит влево… в сторону, противоположную от нашего дома.

Хмыкаю про себя.

Горечь растекается на языке. Обида всё-таки пробивается сквозь застывший внутри лёд, обхватывая своими когтями мою опустевшую душу.

Что ж, значит, Кир поехал «налево». Чётко и без метафор.

Молчу. Даже не вздыхаю. Просто сердце сжимается в груди и продолжает ледяным осколком биться о рёбра.

Да, это больно… но я переживу.

Не я первая, кому муж изменяет. Увы, нас таких много.

Предательство Кира – это такая оплеуха от жизни.

Да, болезненная, громкая и обидная.

Но я не позволю этой грязи запачкать меня.

Я справлюсь.

Измена - осознанный выбор Кира. И я в ответ вольна сделать свой – я хочу свободы от всей этой мерзости.

- Отвези меня в отель, - говорю, не поворачивая головы к Сергею. Голос кажется чужим, звучит ровно, но безжизненно, - ближайший и приличный.

Слышу, как мужчина вздыхает.

- Вик, послушай. Он... Кир... не хотел… - мягко, неуверенно начинает, прощупывая мои границы, но я резко его осекаю. Мои холодные пальцы впиваются в мягкую кожу сиденья, нож в сердце в очередной раз болезненно проворачивается.

- Серёж, давай ты оставишь при себе свои речи в защиту Кира, - выпаливаю резко и холодно, - я уже достаточно от вас обоих наслушалась сегодня. Не усугубляй ситуацию.

Сергей злится. Я кожей чувствую его гнев. В тишине салона чуть поскрипывает кожаная оплётка руля, в которую сильнее спиваются мужские пальцы.

- Вика! Ну что ты заладила, а?! Хватит строить из себя железную леди! Будь гибче! – Что?? Ледяная волна обливает с макушки до пяток. Резко поворачиваюсь к этому наглецу и буравлю его своим кипящим взглядом. - Мужикам бывает иногда нужна отдушина! Но это вовсе не означает, что Кир тебя разлюбил. Ну, погулял чуток, с кем не бывает? - голос Сергея резко повышается, а я просто не могу поверить в то, что он мне сейчас говорит. Ужас какой-то… неужели вот это было моим другом столько лет?? – Ты вообще понимаешь, что происходит?! Ты же сейчас вашу семью рушишь! Сама толкаешь его к этой мелкой писюхе! – это ничтожество бросает в меня идиотские оправдания мужской измены, в которые, похоже, действительно верит… а у меня ощущение, что он плюёт мне в лицо.

Нагло. Смачно. Цинично.

Шумно выдыхаю.

- Останови машину, - произношу холодно, чётко, уверенно. Голову поворачиваю строго вперёд, ледяными пальцами сжимаю свою сумочку, за которой я сегодня и вернулась в офис.

Ничтожество. Подонок. Лицемер, который столько лет отирался рядом.

Секунда. Вторая… и мужчина резко сильно бьёт рукой по рулю и притормаживает на почти пустой ночной дороге.

Машина дёргается, мотор ещё урчит, а Сергей поворачивается ко мне, и его лицо, обычно такое дружелюбное, искажается непонятной мне злостью.

- Вот чё ты выделываешься, Вик?! Ну, оступился мужик… так бывает!

- Хватит, - поднимаю ладонь между нами ладонь, - не выставляй себя ещё большим ублюдком, чем я думаю сейчас.

Открываю дверь, поворачиваюсь, хочу наконец выйти из этой чёртовой тачки, а мне в спину летят злые, пропитанные ядом и каким-то отвратительным удовлетворением слова:

- А ты в курсе, что Марат хотел жениться на Веронике? Они разбежались перед его поездкой в Дубай. Странно, что он сейчас так рвётся тебя защитить. Интересное совпадение, да?

Глава 7

Виктория

Застываю. Мои ноги медленно опускаются на прохладный ночной асфальт и замирают. По телу проходит волна неприятной дрожи, и воздух застревает в лёгких.

Я медленно, как в замедленной съемке, поворачиваюсь обратно к Сергею. Моё лицо – восковая маска – онемело, губы едва слушаются.

- Кирилл… спит с невестой Марата? – тихо охрипшим от шока голосом спрашиваю. Впиваюсь неверящим взглядом мужчине в глаза, ищу в них хоть крупицу лжи или сомнения.

А Сергей на секунду будто теряется под моим взглядом. Его бравада сходит с лица. Он на мгновение отводит свои глаза, обычно такие уверенные, а сейчас… и вдруг резко вскидывает их на меня обратно – уже злые, опасные, прищуренные.

- Это всё, что тебя интересует? Серьёзно?! – он громко выплёвывает эти вопросы, а я словно ещё глубже погружаюсь в ту зловонную яму, в которую сегодня столкнул меня муж, - ты не хочешь узнать, почему Марат так вился сегодня перед тобой?!

Прохладный ночной воздух облизывает мои лодыжки, забирается под брюки, играет прядями волос, отбрасывая их на лицо, но я совершенно не обращаю на это внимания. По-прежнему сильно сжимаю ледяными напряжёнными пальцами свою сумочку, но нахожу в себе силы ответить:

- Может быть, потому что Марат оказался единственным мужиком среди вас пятерых? – удивительно, но мой голос звучит холодно и уверенно, будто это говорю не я, а кто-то совершенно другой.

Не дожидаясь ответа, я разворачиваюсь и выхожу из машины.

Тихо закрываю дверь и иду по дороге вперёд.

Ноги ватные, голова кружится.

Я слышу, как Сергей что-то кричит мне вслед, но его слова тонут в гуле крови в ушах.

Я не слушаю. Я просто иду.

В голове ворох мыслей.

Они жалят меня словно осы, раздирают сознание в клочья.

Кирилл спит с бывшей невестой Марата?

Как? Как вообще такое возможно?

Не верю…

Сворачиваю ближе к жилым домам, пройдя несколько офисных зданий. Мои шаги гулким эхом отдаются от толстых стен.

И они… они же все сидели и обсуждали Веронику, словно дешёвый товар на рынке…

Как это вообще возможно было... при нём?!

Или они не знали, что Марат встречался с Вероникой?

Но Сергей же знал, и он первый спросил Кира про его девочку…

Меня подташнивает. В горле стоит ком.

Этот новый пласт предательства выворачивает меня наизнанку. Оказывается, всё гораздо грязнее, чем мне виделось.

Ноги сами несут меня вперёд, и вскоре я сворачиваю на небольшую улочку, ведущую к набережной. Запах речной воды и жареного миндаля из стоящего у самой воды ларька проникает в нос, дразнит рецепторы, и живот громко урчит, напоминая, что я сегодня не обедала и не ужинала.

Вздыхаю и иду дальше по набережной, туда, где призывно горят неоновые огни.

Через пару минут я захожу в первый попавшийся маленький ресторанчик с тремя столиками на улице. Внутри пахнет кофе, старой древесиной и домашним уютом, согревающим моё превратившееся в кусок льда сердце.

Делаю заказ и выхожу на улицу, сажусь за столик у кованых перил. Пальцы дрожат, когда я обхватываю горячую фарфоровую чашку ладонями, пытаясь отогреться.

Внутри всё ещё холодно, все мысли, чувства, эмоции словно заморожены. Можно сказать, я превратилась в пакет со льдом.

Горько усмехаюсь.

Смотрю на воду. На отражение огней на другом берегу.

Здесь красиво и тихо.

Волны успокаивают, остужают мои кипящие мысли.

Дыхание наконец выравнивается. Я осматриваюсь по сторонам - проохожусь взглядом по подсвеченной гирляндами аллее, ловлю алое зарево уже ушедшего за горизонт сонца, слышу тихий мерный шёпот волн...

Всё здесь кажется тягим, спокойным, умиротворённым... и мне тоже нужно остыть.

Остановиться, успокоиться и принять измену Кирилла как данность.

Всё уже произошло.

Пути назад нет.

Мне остаётся только выдохнуть и идти дальше… только уже одной.

Мысли в моей голове постепенно выстраиваются в уже более плавный спокойный поток. Я наконец могу составить план того, что буду делать завтра, через два дня, через неделю… и всё в этом плане говорит об одном – я буду жить, несмотря на предательство, я буду жить дальше.

Внезапно тишину моих мыслей разрывает настойчивый телефонный звонок.

Я сильно вздрагиваю, проливая кофе на блюдце. Сердце моментально срывается вскачь.

Достаю телефон из кармана пиджака. На экране высвечивается «Андрей сынок».

Глотаю ком в горле, пытаясь придать голосу хоть каплю тепла. Не хочу, чтобы сын переживал за меня.

- Да, Андрюш.

- Мам, а ты где? – его молодой, звонкий голос звучит для меня слишком бодрым после всей этой ночной грязи, буквально с головы до ног облившей меня, - я к вам в гости зашёл. Папа дома, а тебя нет… У вас ничего не случилось? – его голос вдруг резко стихает, а Андрей вздыхает, - мама, слушай... папа какой-то странный, и на кухне огромный букет красных роз стоит… Мам, вы поругались?

- Милый, мы просто… - что просто? Я не знаю, что сказать сыну, и пока собираюсь с мыслями, он вдруг выпаливает:

- Ясно, - глухо тянет сын, - ты про папину тёлку узнала, да?

Глава 8

Виктория

Рвано выдыхаю.

Сердце болезненно сжимается и в груди и, кажется, больше не бьётся.

Холод, который почти покинул меня, опять возвращается, полностью заполняя меня собой.

Андрей тоже знал… и ничего не сказал.

Внутри растекается уже не горечь… ледяное опустошение.

Мой сын всё знал и молчал.

Андрей что-то ещё говорит, но я уже убираю телефон от уха. Слышать его сейчас просто невыносимо. Его родной голос, теперь становится абсолютно чужим.

Самые близкие люди, которых я безмерно любила, предали меня. Уничтожили своей ложью.

Молча нажимаю на отбой и медленно кладу телефон на стол, пальцами отодвигаю его подальше, словно что-то заразное.

Мыслей нет. Только боль растекается ядом по моему застывшему телу.

Не выдерживаю – тихо всхлипываю и тут же закусываю нижнюю губу, чтобы новый стон не сорвался с губ.

Почти не чувствую, как по щекам текут слёзы. Лишь ощущаю прикосновения прохладного ночного ветерка, который быстро слизывает их, оставляя на моей коже солёные дорожки.

Я растеряна. Раздавлена. Сломлена.

Нет, не изменой мужа, а предательством сына.

В груди ноет такая боль, по сравнению с которой мои переживания от измены Кирилла кажутся ничтожными.

Мой мальчик. Мой Андрюша. Он всё знал и молчал. Смотрел мне в глаза и ничего не говорил.

Телефон на накрытом белой скатертью столе снова начинает звонить, разрывая мою пустоту своей навязчивой трелью. Бросаю взгляд на экран – «Андрей сынок».

Смотрю фото на заставке и горько усмехаюсь, новые слёзы стекают из глаз, и я закрываю рот ладонью, чтобы не застонать от отчаяния в голос… а потом резко, уверенным движением беру телефон в руки и выключаю, отрубая любую связь этим миром.

Хватит. На сегодня с меня точно достаточно.

Салфеткой промакиваю мокрое лицо, поднимаюсь. Прошу официанта вызвать мне такси и спускаюсь на набережную. Подхожу к самой воде, опираюсь на широкие кованые перила.

Шум волн уже не успокаивает.

Вдыхаю полной грудью холодный речной воздух. Стараюсь прийти в себя и успокоиться.

Обнимаю себя руками. Время течёт медленно, как густой липкий мёд перетекает из ложки в чашку.

Не думаю ни о чём. Просто ловлю лёгкий трепет реки и смотрю, как багровые разводы заката медленно тонут в почти чёрной воде.

Договариваюсь с собой, что сегодня я ни о чём думать не буду.

Завтра. Завтра я встречусь с сыном, и мы обо всём поговорим.

А сейчас… сейчас я хочу просто отмыться от всей этой грязи и лечь в кровать.

Таксист, молчаливый мужчина в возрасте, кивает, услышав мою просьбу – довезти до ближайшего приличного отеля, и уже через пятнадцать минут останавливает машину у четырёхэтажного кирпичного здания, стилизованного под старину.

Вхожу в небольшой номер. Осматриваюсь.

В квадратной комнате вдоль стены стоит высокий шкаф для одежды, напротив широкой двуспальной кровати висит телевизор. Вместо подоконника длинный узкий стол во всю стену и стул около него.

Здесь пахнет свежестью и в то же время чем-то безликим.

Бросаю сумку на кровать и подхожу к окну, отдёргиваю штору – в тёмной воде реки отражаются тысячи огней города.

Красиво… и бесконечно одиноко.

Отхожу от окна.

Внутри по-прежнему пусто.

Нет никаких сил – ни моральных, ни физических, но я заставляю себя пойти в душ. Надо смыть всю эту грязь с себя, весь этот чёртов день.

Долго стою под обжигающе горячими струями, пытаясь не думать ни о чём, но ненужные болезненные мысли всё равно прорываются сквозь мой слабый заслон и жалят своим ядом, снова и снова возвращая меня к предательству самых близких людей.

Наконец, измождённая и распаренная, я падаю на кровать, сворачиваюсь калачиком и проваливаюсь в чёрную, бездонную пустоту… из которой ранним утром меня выдёргивает щелчок замка.

Я вздрагиваю, сердце испуганно пропускает удар, а потом срывается в бешеный галоп. Я мгновенно поворачиваюсь ко входу.

Мой взгляд замирает. Не дышу... а из узкого тёмного коридора в комнату уверенно входит Кирилл в своём любимом сером костюме и белоснежной рубашке. Его внимательный прищуренный взгляд скользит сначала по мне, потом по смятой кровати, а дальше ныряет в шкаф.

Какого чёрта?!

Быстро сползаю с высокой кровати, поправляю белый халат и выше задираю подбородок.

Пусть не думает, что я его боюсь!

- Чего тебе надо?! Кто тебя впустил?!

Кирилл презрительно хмыкает на мои вопросы, словно я спрашиваю какие-то глупости. Он скрещивает руки на груди и в глаза мне смотрит с каким-то отвращением.

- Ну и где Марат? Неужели так быстро от тебя сбежал?

Глава 9

Виктория

Застываю на месте, не в силах пошевелиться.

Что он такое говорит??

Я и Марат??

Нет. Он бредит.

Растерянность, сковавшая меня в первые секунды появления мужа в номере, спадает, а вместо неё, как лавина, накатывает волна такой злости, от которой перехватывает дыхание.

Сжимаю руки в кулаки и делаю шаг к Кириллу, потом еще один. Паркет под моими босыми ногами глухо скрипит. Запах мужского парфюма, который я когда-то любила, теперь бьёт в нос, раздражая рецепторы.

Подхожу к мужу почти вплотную и толкаю его в грудь. Ладонь упирается в напряжённые стальные мышцы Кира, обтянутые дорогой белой рубашкой.

- Что ты себе позволяешь?! – я не срываюсь на крик, а шиплю низким, злым шёпотом. - Не сравнивай меня и Марата, с невестой которого ты спишь, с собой! Не сваливай с больной головы на здоровую! Ты жалок, Кирилл.

Выплёвываю в него всё своё негодование, высоко задираю голову и впиваюсь в Кирилла полным кипящего гнева взглядом. Замечаю, как по его скулам ходят желваки, а карие глаза мужа, обычно такие тёплые, сейчас становятся абсолютно чёрными от бешенства.

- Я сделал с ним то же, что он сделал со мной! – Кир рявкает, и его голос грохочет в тишине номера. Его сильные руки вдруг грубо впиваются мне в плечи. Мужские пальцы сжимаются так, что острая боль пронзает всё тело, и тихий стон срывается с моих приоткрытых губ, а Кирилл продолжает демонстрацию своей силы – он грубо встряхивает меня, и моя голова откидывается назад, зубы некрасиво клацают, длинные волосы падают мне на лицо, а жуткий бешеный взгляд Кира прожигает меня насквозь. – Я. Забрал. У. Него. Его. Женщину, Как. Он. Забрал. Себе. Мою! – муж громко отчеканивает каждое слово и отшвыривает меня от себя, словно куклу.

По инерции делаю несколько шагов назад. Останавливаюсь и молча хватаю ртом воздух. Комната плывёт перед глазами. Слова Кирилла оглушительным звоном стоят в моих ушах и бьют по сознанию.

- Ты с ума сошёл... – вырывается у меня шёпотом. Горло пересыхает, и каждый звук царапает его. – Кир, ты бредишь...

Неверяще мотаю головой, а потом сжимаю её ладонями, прикрывая уши, массируя ноющие виски.

Как он мог такое подумать?!

Я же никогда… никогда не давала ему повода ревновать.

И Марат… они же друзья.

- Я?! – муж вдруг громко смеётся, только в его смехе я слышу боль. – На, полюбуйся! – Он достает из внутреннего кармана пиджака пачку фотографий и с силой швыряет их на белоснежную постель. Цветные снимки веером разлетается по кровати, падают на пол с тихим шелестом, похожим на змеиное шипение. – Хорошо, что друзья мне глаза открыли, а то так бы и ходил с ветвистыми рогами! – грубо бросает мне Кир и кивает на разбросанные фото. – Ну, чего же ты ждёшь?! Ты хотела от меня правды – так давай же, смотри!

Я медленно поворачиваюсь к кровати. Внутри меня бьёт холодный озноб. Мой взгляд скользит по разбросанным снимкам. Делаю шаг к смятой постели, встаю ближе. Холодные пальцы тянутся к одной из фотографий. Беру её осторожно за уголок, словно она пропитана ядом.

На снимке обнажённая пара в постели. Женщина... очень похожая на меня. Такие же длинные чёрные волосы, такие же длинные тонкие пальцы с моим маникюром... только я знаю, что она – не я.

Не хочу смотреть на это, но заставляю себя всматриваться в детали: нос, форма ушей… хотя, чёрт… я не знаю, как выглядят со стороны мои уши. Взгляд холодно сканирует эту так похожую на меня женщину дальше… и вдруг я замечаю маленькую продолговатую родинку около её правой груди.

Отбрасываю эту фотографию и быстро хватаю следующую.

Другой ракурс, но явственно видна та же родинка.

Медленно поднимаю глаза на мужа, а он упивается моментом разоблачения.

Какой же дурак.

Я протягиваю ему зажатую в пальцах фотографию. Удивительно, но моя рука не дрожит.

- Хорошие же у тебя друзья, Кир, - говорю тихо и вижу, как эта фраза ломает его торжествующую улыбку. – Присмотрись внимательнее. Это не я.

Глава 10

Виктория

Я не понимаю, неужели он действительно поверил?

Смотрел на эти грязные снимки и видел меня?

Каким же надо быть слепым, озлобленным дураком, чтобы не заметить фальши?

Мой Кир! Как он мог такое подумать обо мне?!

Нет. Мне этого не понять.

Муж замирает. Его пальцы сжимают фотографию так, что бумага мнётся с сухим, неприятным хрустом, и в этот момент в его глазах происходит странная, почти пугающая, очень быстрая перемена – ярость гаснет, как будто кто-то повернул выключатель. Из его взгляда исчезает всё: и боль, и ревность, и даже отчаяние, которое я на мгновение увидела в его взгляде.

Остаётся лишь пустота, холодная и безжизненная.

Меня от этого холода бросает в дрожь, а эта внезапная перемена кажется страшнее его крика.

По крайней мере, в его ярости была жизнь, пусть и уродливая, а сейчас в глазах Кирилла пусто.

Передо мной стоит совершенно чужой человек.

Холодный. Отстранённый. Равнодушный.

Несколько мгновений мы напряжённо молчим, не отпуская взгляда друг друга.

Тишина давит на плечи, а его лёд сковывает меня. Вопросы один за другим возникают в моей голове.

Кто это?

Откуда взялся этот незнакомец?

Но самый страшный вопрос - давно ли Кир стал таким?

Становится неуютно, и я неосознанно обнимаю себя руками, передёргиваю плечами от ледяного взгляда Кира.

- Тебе лучше уйти, - наконец выдыхаю я, чувствуя, как на меня накатывает усталость, тяжёлая и липкая, как смола. Всё внутри меня вывернуто наизнанку, опустошено, разорвано в клочья.

Холодно. Ужасно холодно.

Муж молчит, по-прежнему буравя меня своим пустым тяжёлым взглядом. Я обхожу его, направляясь в душ, надеясь, что горячая вода согреет меня и смоет этот ледяной, бездушный взгляд Кира.

Но когда я прохожу мимо, его рука цепляет меня за запястье. Резко, но без прежней злости.

Я останавливаюсь и смотрю сначала на мужские пальцы, впившиеся в мою кожу, а потом поднимаю свой взгляд на мужа.

Он смотрит на меня так, словно я сейчас не его жена, не любимая женщина, с которой он счастливо прожил двадцать лет и воспитал двоих детей, а словно я – деловой партнёр, с которым предстоит неприятный, но необходимый разговор.

Бизнес и ничего личного.

- Ты же понимаешь, что нам нужно развестись, - произносит муж ровным, лишённым эмоций голосом. Он не задаёт вопрос, а констатирует факт. Приговор, который он уже давно вынес нашему двадцатилетнему браку.

Резко и шумно выдыхаю… и в этот момент в моей голове что-то щёлкает. Окончательно и бесповоротно. Картинка складывается в чёткую, отвратительную мозаику.

Вся эта истерика с фотографиями, дикие, ничем не основанные обвинения... Всё это было не про ревность, не про боль. Это был спектакль. Холодный, циничный расчёт.

Осознание этого оглушает.

Я даже рот приоткрываю, чтобы что-то ответить… но не нахожу слов…

Ещё мгновение и я резко выдёргиваю руку, и мужчина, который ещё вчера притворялся любящим, без сопротивления отпускает её, будто только этого и ждал.

- Ты всё это ради развода затеял? – мой голос звучит тихо, но разливается в воздухе едкой кислотой. Я смотрю на мужа, и теперь уже мои глаза становятся холодными, потому что гореть уже нечему. Любовь только что умерла. – Вот эти липовые фотографии, твои дурацкие обвинения в измене? Тебе не хватило мужества просто сказать, что ты нашёл себе молодую любовницу и хочешь уйти? Это низко, Кир.

На душе становится так мерзко.

Это не мой Кир. Это трус.

Это обыкновенный трус, который не смог посмотреть мне в глаза и сказать правду.

Боже! И ради чего он устроил весь этот цирк?!

Кирилл молчит. Не оправдывается, не злится, не пытается что-то доказать. Просто смотрит на меня пустым, отстранённым взглядом. И в этом молчании – подтверждение моей правоты и всей его ничтожности.

Я разворачиваюсь и ухожу в душ, громко захлопывая за собой дверь. Поворачиваю кран до упора, пока из лейки не бьёт почти кипяток. Встаю под обжигающие струи, прижимаюсь лбом к холодной кафельной плитке, но даже кипяток не может пробить лёд, расползающийся у меня внутри.

Беру мочалку и до боли растираю покрасневшую кожу, пытаясь стереть следы его пальцев, его лжи, его предательства. Но грязь не снаружи. Она уже въелась в душу и, кажется, её не вытравить оттуда ничем.

Из душа я выхожу, закутавшись в халат, с мокрыми волосами и онемевшим сердцем.

В номере царит тишина.

Я медленно провожу взглядом по комнате... и понимаю, что Кир не просто ушёл. Он педантично, как на месте преступления, убрал все следы. В номере не осталось ни одной фотографии. Ни на кровати, ни на полу.

Он собрал всё.

Аккуратно. Без эмоций. Как убирают улики.

Кир только что стёр двадцать лет нашей жизни. Он уничтожил нашу семью.

Сажусь на кровать. В голове абсолютная пустота.

Наверно надо что-то делать дальше… но я пока совершенно не в состоянии.

Я будто выпотрошена.

Нервы, напряжённые до предела, не выдерживают. Забираюсь с головой под одеяло и закрываю глаза.

Не хочу ни о чём думать.

Не буду!

Устала.

Ощущение, что по мне бульдозером проехали.

Хорошо, что сегодня суббота – не вылезу из кровати весь день.

Приняв это решение, обнимаю подушку… и в этот момент телефон на длинном узком столе-подоконнике начинает вибрировать на деревянной поверхности.

Аааааа…

Перекатываюсь на спину и тяжело вздыхаю, а потом всё-таки заставляю себя откинуть одеяло, и встаю.

Подхватываю телефон и горечь расползается по языку.

«Андрей сынок».

Проглатываю вставший в горле ком и беру трубку, даже не пытаясь придать голосу хоть каплю тепла сухо произношу:

- Да, Андрей.

- Мам, - голос сына звучит неестественно напряжённо, в нём нет ни прежней бодрости, ни злости. – Мам, приезжай домой. Нам… нужно поговорить. Это, правда, срочно.

Глава 11

Виктория

- Андрей, что случилось? – спрашиваю, и сама слышу, лютый холод в своём голосе, хотя я ничего не делаю специально. Просто внутри всё будто вымерзло.

- Мам, Милка приехала вся в соплях. Отцу звонит постоянно, а он трубку не берёт. Похоже, эта папина коза что-то про их мутки в соцсети скинула, ну, и систер увидела… вот.

Воздух спирает в груди, сердце сжимается от боли за дочь… и от страха… панического страха от того, что Милана, как и сын, в нашем противостоянии с мужем выберет не меня.

Несколько мгновение молчу, а потом резко выдыхаю и хриплым голосом произношу:

- Я… я сейчас приеду… - отнимаю трубку от уха и хочу нажать отбой, но спохватываюсь, и быстро приложив её обратно, горячо выпаливаю: - Андрей, не отпускай никуда сестру.

Сын хмыкает, но скорее горько, чем весело.

- Да уж, понял, не маленький.

Скидываю звонок. Руки дрожат, когда я быстро натягиваю на себя свой тёмно-синий брючный костюм. Вызываю в приложении такси и выхожу на улицу.

Яркий свет нового дня режет глаза.

Я думала, что сегодня мне станет легче, но ни черта лучше не становится. События закручиваются вокруг меня колючей проволокой, до крови впиваясь в кожу и вызывая жгучую боль.

Дети.

Вот и до них предательство Кира добралось.

Чёрт… нас всех зацепило.

Сжимаю пальцами переносицу, растираю ладонями лицо. Дышу тяжело, рвано, надсадно.

Что же ты сделал с нами Кир…

Наконец, падаю на заднее сиденье такси, которое быстро довозит меня до дома – до нашего большого двухэтажного кирпичного коттеджа, расположенного внутри настоящего соснового бора.

Мы выбирали это место вместе с Киром и детьми. Помню, как нам всем понравилась здесь природа, чистое круглое лесное озеро, выход к которому есть с нашего заднего двора.

Компания Кирилла построила этот посёлок, а я полностью занималась ландшафтным дизайном… тогда всё казалось таким настоящим и прочным… таким вечным.

Расплачиваюсь с таксистом и медленно выбираюсь из машины. Торможу у нашей калитки. Холод металла обжигает пальцы, но я не спешу открывать дверь.

На самом деле мне сейчас очень страшно входить в свой собственный дом.

Кто меня ждёт там?

Дети, которые накинутся с обвинениями?

А вдруг они не захотят больше меня видеть?

Сердце мучительно ноет в груди, мысли снова и снова жалят меня… но я толкаю калитку и прохожу во двор. Сразу же вижу чёрную огромную машину Кирилла.

Значит, Мила всё-таки дозвонилась до него, и он приехал.

Плохое предчувствие сжимает сердце, жутким холодом расползается под кожей, но я заставляю себя быстро пересечь двор по ровной, выложенной камнем тропинке, которую сама же когда-то проектировала.

Я вложила в наш дом всю себя… а что теперь?

Сейчас это просто холодные каменные стены, из которых вырвали душу…

Осторожно открываю дверь и на меня сразу обрушивается шквал голосов из гостиной.

- Это что, правда?! – не своим, полным отчаяния голосом кричит дочь, и я замираю на пороге. Сердце сжимается в комок и камнем булькает где-то в горле. – Ты что, нас бросишь и уйдёшь к этой белобрысой вобле?!

- Мила, прекрати истерику, - властный металлический голос мужа звенит на весь дом. – Сейчас мы сядем и спокойно поговорим.

Похоже, я попала на самое начало представления. Тихо прикрываю дверь, снимаю туфли, кладу сумку на тумбу. Руки всё сильнее трясутся.

- А я не хочу прекращать! – голос Милы переходит в визг, полный непереносимой боли, и я чувствую её как свою. – Как ты мог?! Как ты мог, папа?! Как ты мог променять нас на неё?!

Она на секунду замолкает, и в повисшей тишине я слышу чей-то тяжёлый вздох, но не могу определить кому он при надлежит – мужу или сыну?

- А мама... – голос Милы стихает, она произносит это почти шёпотом, и моё сердце разрывается от этого звука. Бедная моя девочка. – А о маме ты подумал?

В гостиной гробовая тишина.

- Боже, да кого я спрашиваю... – её шёпот снова превращается в крик, в котором слышны слёзы и ярость. – Ты же чудовище! Монстр! Ты ни о ком из нас не подумал!!! Ненавижу!!! Ненавижу тебя!!!

Я закрываю рот ладонью, чтобы не сорваться, и слышу быстрые удаляющиеся шаги дочери – она несётся по лестнице на второй этаж.

- Ненавижу тебя!!! Предатель!!! – ещё раз раздаётся сверху, и громкий хлопок двери звенящим эхом отдаётся в тишине, разрывая меня на части.

Детство кончилось. Мила только что закрыла дверь туда, куда больше нет входа… туда, где любимый папа был её героем.

Сердце ноет от боли, которую Кир причинил не только мне, но и ей.

Да, Миле уже восемнадцать, она взрослая. Но для меня она всегда будет той маленькой девочкой, которая боготворила отца.

И вот он сам, своими руками, сверг себя с пьедестала.

- А я тебе говорил! – зло цедит сквозь зубы Андрей. – Я тебе говорил, одумайся! Мама в тысячу раз лучше этой твоей тощей тёлки! Ты же семью нашу разрушил, отец!

- Хватит!!! – оглушительный рёв Кирилла сотрясает стены.

Я не выдерживаю. Делаю глубокий вдох, натягиваю на лицо ледяную маску, стерев с него все эмоции, и вхожу в гостиную.

Андрей стоит посреди комнаты, сжав кулаки. Белая ткань футболки облепила его напряжённые плечи. Чёрные, как у отца, волосы растрёпаны, а зелёные глаза полыхают огнём.

Сын резко оборачивается ко мне.

- Мам... – его голос срывается. Он быстро подходит ко мне, берёт за руку. Его тёплые пальцы уверенно сжимают мои… и я с облегчением понимаю – Андрей в этой войне на моей стороне. – Ты как? – он тревожно вглядывается в мои глаза.

Я лишь силюсь улыбнуться уголками губ и киваю.

Сын встаёт рядом со мной плечом к плечу, как надёжная стена.

Кирилл медленно оборачивается к нам.

Он стоит у камина. Его глаза – арктический лёд, но сквозь них прорывается адское пламя, готовое испепелить всех в этой комнате.

- Что, уже успела настроить против меня детей? – его слова падают, как удавка на мою шею, тяжелые и ядовитые. Его злой взгляд прожигает меня. – Быстро ты справилась.

Я открываю рот, чтобы ответить, но меня опережает Андрей. Он делает шаг вперёд, заслоняя меня собой.

- Мама здесь ни при чём! – его голос, низкий и злой, заставляет Кирилла на мгновение отступить. – Это твоя... «звезда» - он будто выплёвывает в Кирилла это слово, - написала

о вашей неземной любви в паблике. Поздравляю, теперь все соседи и партнёры в курсе. Ты бы хоть контролировал её тупые порывы... – Андрей язвительно усмехается, и в его усмешке столько презрения, что Кирилл бледнеет. – Или это с твоего согласия теперь все знают, что Кирилл Львович Барский променял семью на шлюху?

Воздух в гостиной сгущается до состояния желе. Кирилл выпрямляется, на его лице желваки ходят от чистого, ничем неприкрытого гнева… и мне становится по-настоящему страшно.

Он медленно, почти механически, достает из кармана телефон, не сводя с нас своего горящего взгляда.

- Ты хочешь правды, сынок? – его голос – тихий, опасный шепот. – Хочешь увидеть, с кем твоя безупречная мама проводила время, пока я «разрушал семью»? – Он включает телефон, и его большой палец замирает над экраном. – Давай я покажу тебе несколько очень интересных фотографий. Уверен, они произведут на тебя впечатление.

Глава 12

Виктория

- Прекрати! – не сдержавшись выкрикиваю и выхожу из-за спины сына, вставая между ним и Кириллом. Сердце колотится так, что, кажется, вот-вот пробьёт рёбра и вырвется из груди. – Не смей показывать свой отвратительный фотошоп сыну! – полным праведного гнева взглядом сверлю мужа, а у самой в груди ад полыхает.

А если он покажет?

Если дети увидят эти жалкие подделки и поверят ему?

Если они отвернутся от меня?

Нет. Боже, я этого не переживу. Это будет последний удар, который добьёт меня окончательно.

Кирилл нагло улыбается, и его улыбка, недавно такая любимая, сейчас кажется мне осколом опасного хищника.

- А что такое, лю-би-мая? - он отвратительно растягивает последнее слово, и оно впивается в мои натянутые нервы раскалёнными иглами. Неосознанно передёргиваю плечами, будто пытаясь скинуть с себя грязь, которую снова выливает на меня Кирилл. – Испугалась, что дети узнают о своей мамочке много интересного и твой образ святой женщины померкнет?

От его тошного слащавого тона меня чуть не выворачивает. Я чувствую, как дрожь поднимается от кончиков пальцев, но я обязана держаться. Ради себя. Ради детей.

Не знаю, что задумал Кирилл, но мне нужно выстоять в этой войне!

- Мы с тобой оба прекрасно знаем, что ты говоришь чушь! – мой голос звучит слишком громко, почти истерично, но я не могу его контролировать. Страх того, что Кирилл может отвернуть от меня детей, делает меня уязвимой. – Я никогда не предавала тебя! Никогда!

- Как интересно, - его голос становится тише, но от этого ещё опаснее. С каждым словом он становится всё холоднее и окончательно превращается в лёд, готовый заморозить всё на своём пути. – А фотографии, которые есть у меня, говорят совершенно другое. Очень... убедительные фотографии.

- О каких фотках речь? – напряжённо спрашивает Андрей, и я к своему ужасу слышу в его голосе ту самую ядовитую каплю сомнения, которая заставляет меня умирать от страха. Сын смотрит то на меня, то на отца.

Нет, милый, нет! Только не это. Не верь ему!

- Твоя мать за моей спиной долгие годы встречалась с Маратом, - наносит свой подлый, выверенный удар Кирилл.

Словно ушат ледяной воды обрушивается на меня. Я на пару мгновений прикрываю глаза, пытаясь справиться с обуявшим меня ужасом. Грудь распирает от дикой смеси гнева, обиды, ужаса и абсолютного, всепоглощающего шока.

Как он может? Как он смеет так врать нашим детям?!

- Что?! – сын отшатывается, его лицо выражает полное непонимание и такой же шок, как у меня.

Впиваюсь в Кирилла взглядом.

Надеюсь, он видит в нём всё! Всю мою ненависть. Всё презрение.

- Как ты можешь?! – мой голос срывается на хриплый шёпот. Руки сами сжимаются в кулаки, ногти до боли впиваются в ладони. – Как ты можешь такое говорить?! Какой же ты подонок, Кирилл! Как я не видела этой гнили в тебе раньше?!

Гнев застилает глаза красной пеленой. Грудь распирает от желания броситься на мужа и отхлестать его по щекам.

Рвано тяжело дышу.

Чёрт. Может быть, зря я сдерживаюсь?!

- Пап, ты с ума сошёл?! – Андрей презрительно фыркает, но в его голосе уже нет прежней уверенности. Я вижу, как он смотрит на меня, нервно ища ответ в моих глазах. – Мама и Марат?! Я никогда не поверю в это!

Держись, сынок. Пожалуйста, держись. Не верь предателю!

Сердце от страха отчаянно бьётся уже где-то в горле… и в этот момент сын берёт меня за руку, переплетает наши с ним пальцы в крепкий замок.

Безумная, горячая волна облегчения прокатывается от макушки до пят.

Боже! Спасибо!!!

Сын со мной!

Ловлю решительный взгляд Андрея… и тут же перевожу его на мужа.

Кирилл злится. Я вижу, как ходят желваки на его скулах, а взгляд темнеет, словно грозовая туча. Его план даёт сбой, и это бесит его до ярости.

- Посмотри! – он рывком подходит к Андрею и суёт ему в руки свой телефон. – Посмотри сам! Убедись!

Я замираю, сердце останавливается. Весь мир сужается до дорогого телефона в руках моего сына. Сейчас он увидит эти мерзкие фальшивки, и всё...

Андрей хмуро смотрит на экран. Его лицо сначала выражает готовность к бою, потом недоумение, а затем – чистейшую ярость. Он поднимает глаза на отца, и в его взгляде – такое презрение, что, кажется, воздух в комнате закипает.

- Что это, па-па? – его голос тих и опасен. Он пальцем касается экрана и поворачивает его к Кириллу. – Это твои «неопровержимые доказательства»?

Я не выдерживаю и делаю шаг вперёд, заглядываю в телефон… и вижу не фотографии. Не подделки. На экране переписка в мессенджере.

Я мельком просматриваю пошлые сообщения на светящемся экране, и моё дыхание перехватывает. А среди развратных посланий и фото, очевидно Вероники, мой взгляд цепляется за последнее сообщение:

«Кирррр, жду тебя в кабинете, котик! Уже не могу терпеть!»

Глава 13

Виктория

Воздух в гостиной становится густым как сироп.

Рвано выдыхаю. Горечь обжигает рецепторы, руки безвольно падают вдоль тела... я инстинктивно делаю шаг назад.

Слушать о "девочке" мужа – это одно, а видеть их грязную переписку и фото её... эмм... прелестей в ничего не скрывающем белье…

Чёрт, даже не знаю, как эту пошлятину назвать...

Становится так мерзко.

И это всё видел наш сын…

Боже.

Хочется сбежать подальше от этого кошмара, но я лишь закусываю губу до боли.

- Короче! Пап, я всё понял, - Андрей зло бросает телефон Кириллу, - не надо мне больше ничего про маму говорить. Я считал тебя нормальным мужиком, бать, но сейчас... – слова вырываются из него яростно, зло, рвано. Андрей прожигает отца злым, отчаянным взглядом, за которым таится боль, - мне очень хочется дать тебе в морду. Честно.

Сын сильнее сжимает мои пальцы, но я молчу. Я сама в шоке от всего, что происходит сейчас.

Мужчины застывают напротив друг друга как два бойца на ринге. Кирилл тяжело дышит, его дорогая рубашка натягивается на груди. Андрей стоит, сжав кулак, крылья носа трепещут. Агрессия потрескивает в воздухе.

Только бы не подрались, господи...

Я делаю шаг, чтобы встать между ними, но Кирилл меня опережает.

Медленно, слишком медленно, он убирает телефон в карман. Желваки на скулах всё ещё ходят ходуном, но я понимаю – он отступает.

Ну хоть на это ума хватило.

- Ладно. Вечером с тобой поговорим, - бросает сыну Кирилл и идёт к выходу.

Каждый его шаг отдаётся тупой болью в моих висках. Мне хочется сказать что-нибудь дерзкое, колкое Киру напоследок, но я сдерживаю свой порыв.

Дети сейчас самое главное.

Муж может идти на все четыре стороны, но я не позволю развалить нашу семью.

Да, теперь я и дети – моя семья, а этот предатель пусть бежит к своей Вероничке, Люсе, Вале, Оле…

Сердце в груди мучительно ноет, и я резко одёргиваю себя.

Нет, я не буду думать о том, сколько таких "девочек" было у Кира во время нашего брака.

Через несколько секунд входная дверь громко хлопает, возвещая об уходе Кирилла, и мы с Андреем будто отмираем.

- Как ты? – тихо спрашиваю у сына и поднимаю на него свой взволнованный взгляд.

- Без понятия, мам, - тяжело выдыхает. – Чёрт... Я в жизни не подумал бы, что батя способен на такое... – Андрей запрокидывает голову, уставившись пустым взглядом в потолок, я вижу, как сильно он напряжён.

Сын тяжело шумно дышит… и я чувствую его боль как свою собственную, но не знаю, как утешить. Какие слова найти? И в этот момент мне хочется растерзать мужа за то, как легко он разнёс в клочья нашу семью, уничтожил наше будущее… и ради чего??

- Ты... как ты? – Андрей опускает взгляд на меня, и в его глазах читается та же растерянность, что и у меня. – Что... что будем делать дальше?

Он так тяжело выдыхает, и мне становится до тошноты жаль его. Девятнадцать лет... Совсем ещё мальчишка… А уже вынужден быть опорой для матери, защищать её от собственного отца.

Сверху слышится скрип двери. Мы поднимаем головы и через пару секунд видим Милану. Она останавливается на лестнице, цепляется за перила, и медленно оглядывает гостиную.

- Ушёл? – спрашивает севшим голосом.

- Ушёл, - киваю.

- Отлично! – дочь стремительно сбегает вниз, двигаясь с какой-то лихорадочной решимостью. – Мам, я помогу тебе собрать папины вещи. Отправим их с курьером этой... этой Веронике. Это теперь только наш дом! Видеть не хочу здесь этого предателя!

Высказав это всё, Милана направляется к кладовке, но я догоняю её и беру за руку. Смотрю в её красные опухшие от слёз глаза, и сердце сжимается от боли за своих детей.

- Мила...

- Не надо, мама! Не останавливай меня! – она резко оборачивается, и в её взгляде вдруг мелькает неподдельный ужас. – Ты же не простишь его? – испуганно спрашивает она меня. – Скажи, что нет!

- Нет, не прощу, - шёпотом срывается с моих губ.

- И слава Богу! – дочь вырывает руку и идёт дальше. – После всего этого я не хочу видеть ни папу, ни его дуру!

Дочь решительно направляется к кладовке, где пылятся наши чемоданы.

Я смотрю на её хрупкую спину, потом на Андрея, который молча наблюдает за сестрой, и понимаю – они готовы сжечь все мосты. Но вправе ли я позволить им стать заложниками этой войны?

Внезапно в этой оглушающей неприятной тишине раздаётся звонок в дверь.

Мы все замираем, переглядываясь. Андрей первым приходит в себя и направляется к входной двери. Я слышу щелчок замка, затем его удивлённый голос:

- Марат?

Глава 14

Виктория

По телу пробегает неприятная мелкая дрожь.

Спешу к застывшим в дверях мужчинам. Мышцы натягиваются от напряжения.

Зачем он пришёл?

Мне хватило утреннего скандала с Кириллом, а теперь очевидно следует продолжение.

Глубоко вдыхаю. Стараюсь взять себя в руки.

Воздух в прихожей кажется таким густым, что его можно резать ножом.

Понятно, что после недавних слов мужа, Андрей не спешит приглашать в дом Марата, и мне, честно говоря, тоже не очень нравится появление этого мужчины в нашем доме в такой момент, но я жестом приглашаю его пройти.

Нам всё же стоит разобраться в том, что происходит. А Марат…он, по словам мужа, ещё одна сторона нашего мнимого многоугольника.

Конечно всё это чушь, но прояснить ситуацию и поставить его в известность о происходящем нужно.

Мила, пробормотав короткое «здрасьте», быстро шмыгает в кладовку, и почти сразу оттуда доносится шарканье и глухой стук – очевидно, дочь уже вытаскивает чемоданы.

А вот Андрей... Он стоит мрачный, напряжённый и тяжёлым взглядом смеряет Марата. Сын знает больше Милы, и это знание явно тяготит его.

Высокий, на голову выше меня, в безупречном чёрном костюме и белой рубашке, Марат обращает свой взгляд на меня и произносит:

- Вика, нам нужно поговорить. Наедине.

Как только эти слова срываются с его губ, я тут же бросаю взгляд на сына и понимаю, если сейчас уйду и останусь наедине с Маратом, то дам прорасти тому семени недоверия, которое уже посеял в его голове Кирилл.

- У меня нет секретов от сына, - говорю твёрдо и уверенно, хотя внутри всё дрожит. Что ещё я не знаю? - Пройдём на кухню.

Марат кивает, хотя по лёгкому напряжению, появившемуся на его лице, я вижу – такой поворот ему не нравится.

На кухне упираюсь взглядом в огромный букет алых роз, аромат которых густым облаком витает по помещению.

Сглатываю и отвожу взгляд.

Чёрт с ним. Позже выброшу.

Заученными движениями набираю воды и ставлю чайник.

Я же могу позволить себе хотя бы чай с утра выпить?

Марату и Андрею варю кофе. Руки слегка подрагивают, когда я насыпаю молотые зёрна в турку.

Молчание застывшее между нами давит на плечи. Буквально расползается липкой паутиной по коже, но я ничего не могу с этим поделать.

Когда наконец рассаживаемся за столом, я спрашиваю, стараясь, чтобы голос не дрожал:

- О чём ты хотел поговорить, Марат?

- Мама, а можно сначала я? – вдруг вступает Андрей. Он нервно проводит рукой по волосам, явно волнуясь. – Марат, почему отец считает, что у вас с мамой роман?

Сын смотрит прямо в глаза Марату, а я чувствую, как щёки заливает чёртов румянец.

Стыдно. Боже, как же стыдно вываливать грязное бельё пусть даже и перед другом семьи.

Это унизительно.

Марат не отводит взгляда. В его почти чёрных глазах нет паники или страха. Мужчина абсолютно спокойно встречает вопрос и претензию Андрея.

- Возможно, потому что твой отец понимает, что Виктория красивая женщина, - говорит он ровно, - и она нравится мне. – На этих словах моё сердце спотыкается, делает опасный кульбит и прыгает в горло. Что он несёт?? В ужасе смотрю на побелевшего как мел сына. – Но это не значит, что она давала какой-либо повод Кириллу сомневаться в ней. Между нами никогда ничего не было, Андрей. Твой отец сильно ошибается. И мне жаль, что он так поступил с твоей матерью.

Нервно сглатываю. Ладонями обхватываю горячую чашку с чаем, чтобы никто не увидел, как мои руки дрожат.

Нет. Это какой-то дурдом.

Во что превратилась моя жизнь за несколько часов?

Мужчины смотрят друг другу в глаза несколько секунд, которые мне кажутся вечностью. И когда Андрей наконец отводит свой взгляд и берётся за свою чашку с кофе, я выдыхаю.

Он верит Марату.

Но моя радость длится недолго – через пару секунд меня снова подкидывает вверх на этих эмоциональных качелях.

Сын вдруг отставляет чашку, и его лицо снова становится напряжённым.

- А фотографии? О каких фотографиях он говорит?

- Поясни, - просит Марат, и в его голосе я слышу искреннее недоумение.

Все взгляды обращаются ко мне. Я отставляю свою чашку с чаем и прячу руки под стол.

- Утром Кирилл предъявил мне целую пачку фото, - говорю тихо, а у самой в памяти всплывает разъярённое лицо мужа, - на которых мы с тобой... – бросаю быстрый взгляд на сына, но заставляю себя закончить фразу, - в одной постели. Голые.

Прячусь от взглядов двух мужчин за своей чашкой. Делаю вид, что отпиваю чай, но на самом деле просто пытаюсь скрыть охватившие меня смятение.

- Как интересно... – медленно произносит Марат и смотрит мне в глаза. – Мы оба знаем, что это невозможно. Поэтому...

- Это подделка, да, - перебиваю я, слишком быстро, слишком нервно. – Женщина очень похожа на меня, но всё-таки себя я на фото опознать смогу… и она точно не я. Например, у неё есть родинка, которой у меня нет. Уверена, это фотошоп. Возможно, подставили чьё-то тело к моему лицу… Или нейронка. С помощью неё и не такое налепить можно.

Марат качает головой, и в его глазах появляется что-то тяжёлое, и мне это совершенно не нравится.

- Вика, снимки настоящие.

Воздух в кухне застывает. Я чувствую, как кровь отливает от лица. Чай вдруг кажется слишком горячим. Андрей замирает, сжимая свою чашку так, что пальцы белеют.

- Вот об этом я и хотел поговорить, - тихо произносит Марат.

Глава 15

Виктория

Это шутка наверно?

Дурацкая нелепая шутка…

Быстро проносится в голове, но Марат смотрит на меня слишком серьёзно, без тени улыбки на лице… и я прикрываю на несколько мгновений глаза, чтобы просто остановить это мгновение.

Боже, когда остановится эта гонка?

Когда скелеты перестанут вываливаться из всех шкафов, и я просто хоть немного передохну́?

Дышать тяжело – воздух на кухне становится слишком густым и тяжёлым, словно перед грозой.

Я чувствую, как каждый мускул в теле напрягается, когда Марат вдруг поворачивается к моему сыну.

- Андрей, можешь оставить нас с Викторией наедине? – его голос звучит непривычно твёрдо. – Я тебя уверяю – на этих снимках не твоя мама.

Несколько напряжённых секунд мужчины не сводят с друг друга тяжёлых взглядов.

Я замечаю, как сжимаются кулаки Андрея, как напрягается его челюсть… но он всё-таки поднимается.

- Я буду в гостиной, мам, - бросает он мне, прежде чем выйти и закрыть дверь за собой.

Протяжно выдыхаю, поджимаю губы.

Не нравится мне всё это.

- Зря ты попросил его уйти, - перевожу напряжённый взгляд на Марата, - Кирилл и так давит на него, а ты своими секретами только усугубляешь ситуацию.

Мужчина не отводит взгляда, а в его чёрных глазах будто тёмное пламя медленно разгорается.

Опускаю свой взгляд и делаю несколько медленных глотков чая из своей чашки.

Очень хочется, чтобы эмоции улеглись наконец, но блуждающий по мне тяжёлый взгляд Марата не даёт успокоиться.

- Не каждому мужчине приятно раскрывать свои слабости, Вика, - произносит он хрипло.

- Я не понимаю тебя... – отрываюсь от чая и нервно закусываю губу, и Марат сразу же ловит глазами это движение.

Мне жутко неловко… и я всё ещё ни черта не понимаю.

- Ты сказал, что снимки настоящие, - пытаюсь вернуть разговор в нужное русло, но Марат не торопится отвечать.

Мы молча смотрим друг на друга… и воздух между нами накаляется до предела. Тишина звенит в ушах… и мне хочется провалиться сквозь землю от этого напряжения и недосказанности.

- Подозреваю, что на этих фото я и моя любовница. Ева. – Марат говорит, а взглядом продолжает блуждать по моем лицу, словно ловит каждую мелькающую на нём эмоцию. – Хотя я сейчас не уверен, что это её настоящее имя.

- Любовница? – глупо переспрашиваю, чувствуя, как почва уходит из-под ног. – Но она так...

- Похожа на тебя как две капли воды? Да. – Мужчина перебивает меня, и его слова камнями падают между нами.

Нет, я понимаю, что Марат далеко не монах... но это уже, кажется, перебор...

Качаю головой, вытряхивая из неё всплывшие картинки, запечатлённые на злополучных фото.

- Я... ладно, это сугубо твоё личное дело... но откуда у Кирилла эти снимки? - только и могу из себя выдавить. От неловкости у меня сводит желудок. Смотреть мужчине в глаза больше не получается.

Какая же это грязь...

Прибить бы мужа за то, что заставляет меня копаться во всём этом!

- Думаю, это Кирилл нанял Еву. Он знал, что я не смогу устоять.

- Что?!

- Твой муж всегда знал, что ты мне нравишься, Вика. Уже много лет.

Да я вообще не об этом!

Подождите...

Что... Что. Он. Сказал?!

Забываю, как дышать. Сердце стучит уже где-то в горле, с бешеной скоростью разгоняя горячую как кипяток кровь.

Резко вскакиваю со стула и отхожу к окну. Распахиваю его и жадно глотаю ртом прохладный воздух.

- Это... невозможно... – обнимаю себя руками, чувствуя, как бледнею, а потом вдруг кровь обжигающей волной приливает к лицу. – Ты же друг нашей семьи, Марат. Друг Кирилла! – оборачиваюсь и всматриваюсь в лицо мужчины.

Внутри всё разбивается вдребезги.

Столько лет мы дружили, а сейчас...

- Именно поэтому я никогда не говорил тебе ничего. – Марат поднимается из-за-стола и делает шаг ко мне. Вытягиваюсь струной, а его взгляд становится ещё более пронзительным. – Ты была счастлива с Кириллом, и я не собирался разрушать твою жизнь. Даже если это стоило мне собственного счастья.

В груди вспыхивает пожар – от его слов, от его взгляда.

Боже… что мы обсуждаем?

Как… как мы до этого докатились?

Пока я пытаюсь осмыслить услышанное, Марат встаёт напротив меня и холодно продолжает:

- С Евой я познакомился в клубе после расставания с Вероникой. Она была твоей копией. Кирилл оказался прав - я не мог упустить свой шанс, пусть она и была лишь похожа на тебя... Мы провели одну ночь. – Он делает паузу, и в его глазах мелькает что-то тёмное, злое, - на следующее утро я уехал в командировку. Сейчас её номер недоступен, и я почти уверен, что её наняли специально, чтобы скомпрометировать тебя. – Марат внимательно всматривается в мои глаза. – И учитывая, что Кирилл разбрасывается этими фотографиями... я считаю, что именно он нанял Еву. Он знал о моих чувствах к тебе и использовал их против тебя.

Глава 16

Виктория

Молча провожаю Марата до двери. Ни о чём его больше не спрашиваю, хватит с меня на сегодня секретов – эти бы переварить.

Уже стоя у раскрытой двери, мужчина оборачивается и бросает на меня пристальный тяжелый взгляд.

- Звони мне в любой момент, - глухо произносит и не уходит, ожидая от меня ответа.

А я просто киваю, не в силах вымолвить ни слова. Внутри меня хаос, с которым мне теперь нужно научиться жить.

Марат наконец уходит, и я закрываю дверь, а потом разворачиваюсь и прислоняюсь спиной к её холодной поверхности.

Выдыхаю и растираю ладонями лицо, пытаясь стереть с себя это непонятное оцепенение.

«Это всё какой-то ужас. Боже... верни мне мою тихую счастливую жизнь обратно, пожалуйста...» - задрав голову вверх, тихо шепчу в пустоту, но разумом понимаю – возврата к прошлому уже нет. Мосты сожжены.

Отмираю, когда слышу сверху громкие голоса детей. Их ссора будто прошибает меня током.

С силой отталкиваюсь от двери.

Какой бы разбитой я сейчас ни была, им сейчас в тысячу раз хуже.

Я большая девочка, как-нибудь справлюсь с предательством мужа, а их мир сейчас полностью рухнул.

Быстро поднимаюсь по лестнице и останавливаюсь в дверях нашей с Кириллом спальни. Картина, которую я вижу, лезвиями проходит по коже.

Не должно быть такого, но какого-то чёрта Кирилл поставил нас в реальность, в которой наша дочь сейчас со злостью застёгивает чемодан, из-под крышки которого выбивается рукав дорогой отцовской рубашки, а потом вскакивает словно пружина и с размаху швыряет в другой его галстуки.

- А я тебе говорю, что сегодня наш папочка побежит к своей Вероничке! – чётко и зло произносит Милана и смахивает с прикроватной тумбы на пол несколько книг Кирилла.

- Фиг там, систер! – Андрей сидит на краю нашей с мужем кровати и притворно-безразлично следит за действиями сестры, но сжатые кулаки выдают его с головой. – Он припрётся сюда, чтобы показать нам, кто в доме хозяин.

- А мы его не пустим! – взвизгивает Милана, поворачивается к нам, и я вижу в её глазах слёзы.

- Остановитесь.

Мой голос заставляя детей вздрогнуть.

Прохожу в спальню, чувствуя, как трясутся колени. Вид Миланы, с искаженным от гнева лицом швыряющей вещи отца, больно бьёт по сердцу.

Подхожу и обнимаю свою девочку.

- Я сама соберу вещи Кирилла. Не надо тебе этого делать, - говорю Милане и глажу её по волосам.

- Нет! – дочь вырывается, по её щеке стекает слеза. – Я хочу это сделать! Хочу, чтобы его уродские галстуки и духи, от которых тошнит, сегодня же увезли из нашего дома!

Она снова тянется к шкафу, сгребая в охапку рубашки Кирилла.

Я понимаю. Для нее это не наказание, а акт восстановления справедливости, единственное, что она может контролировать в этом хаосе.

- Хорошо, - выдыхаю, сдаваясь. – Собирай. Но не рви и не ломай. Мы не должны уподобляться ему. Пусть заберет своё... и просто исчезнет.

Милана кивает и снова поворачивается к шкафу, но теперь её движения, хоть и резкие, но более собранные.

Я поворачиваюсь к сыну, и в этот момент звонит мой телефон. Смотрю на экран и понимаю, что что-то случилось на работе.

Принимаю звонок – так и есть. Проблема небольшая, но требует моего внимания.

- Андрей, мне нужно ненадолго съездить в питомник, - смотрю на сына и вижу перед собой уже не мальчика, а почти взрослого мужчину. – Ты остаёшься за главного. Но, умоляю... будь сегодня с Милой помягче. – Говорю тихо.

- Я всё слышу! – громко бросает дочь из-за двери шкафа, и мы с Андреем улыбаемся.

- Я всё понимаю, мам, - он коротко кивает. – Езжай.

Быстро переодеваюсь, на лицо накладываю лёгкий макияж, хотя совершенно не хочется, но позволить увидеть себя подчинённым разбитой и с синяками под глазами я не могу.

Такси привозит меня к окраине города, и стоит мне переступить порог моего зелёного царства, вдохнуть запах влажной земли, мха и зелени, как тяжесть в груди становится меньше.

Проверяю партию новых саженцев, погружаю руки в прохладный грунт, раскладываю, проверяю, подписываю этикетки. Рутинная, знакомая работа – лучшее лекарство от стресса. Мир сужается до размеров земляного кома и изгиба ветки.

Через пару часов я почти забываю о предательстве мужа… только вот он решается напомнить мне об этом.

Рассаживаю саженцы и вдруг чувствую на себе тяжёлый взгляд.

Резко оборачиваюсь и застываю, саженцы выпадают из рук.

Между стеллажами с растениями, величественной походкой хозяина, вышагивает Кирилл, а под руку с ним, прильнув к его плечу, идёт его Вероничка.

Вот же гад!

Как он посмел привести её на мою территорию?!

Красная пелена застилает глаза. Кровь с силой бьёт в виски, оглушая.

Я не думаю. Тело действует само.

Резко распрямляюсь, сбрасываю перчатки, отряхиваю руки.

Я иду им наперерез, и вся моя ярость, всё унижение, вся боль сгущаются в один ослепительный ком ненависти.

- Какого чёрта ты здесь делаешь?! – громко бросаю Кириллу и прожигаю его своим злым взглядом, чувствуя, как дрожат руки.

Муж останавливается и снисходительно приподнимает бровь. А его «девочка» жмётся к нему сильнее, изображая на своём кукольном размалёванном лице глубочайший испуг.

- Я решил показать Веронике наш питомник... - начинает Кирилл своим низким, пропитанным фальшью голосом.

- Мой! Мой питомник, Кирилл! – резко перебиваю его я, и сама удивляюсь, что мой голос не дрожит. - Поэтому забирай… - перевожу взгляд на его тощую пигалицу, смеряя её убийственным взглядом с головы до ног, - забирай свой суповой набор и убирайся отсюда!

Глава 17

Виктория

- Что?? – шипит его «девочка», и её глаза округляются с наигранной обидой. –Виктория Сергеевна, за что Вы так со мной?

Она водит тонкими пальчиками под глазами, будто стирая несуществующие слёзы, а мне вдруг становится так смешно… и горько.

Актриса погорелого театра.

Дешёвка.

Перевожу взгляд на мужа. Качаю головой.

Ну, серьёзно!

Кир, как ты повёлся на эту глупую курицу??

Не выдерживаю и громко хмыкаю, хотя внутри всё горит от боли. Вновь вскрытая рана кровоточит.

В глазах Кирилла тут же легко улавливаю раздражение. Он аж багровеет.

Вот и прекрасно.

Нагло улыбаюсь.

Почему-то сквозь боль в душе в этот момент прорывается приятное удовлетворение.

Хоть немного удалось уколоть этого заносчивого павлина!

- Вика, ты переходишь все границы! – зло рычит Кирилл, делая шаг ко мне. – Прекрати оскорблять Веронику! Мы здесь по делу!

- Серьёзно? – улыбка сползает с моего лица. Холод обдаёт изнутри, и я, не сводя прямого взгляда с мужа, зло и тихо шиплю ему в лицо. – А что в твоём кабинете вы уже все дела закончили? Что ж ты так быстро отстрелялся, Кир? Девочка так ждала.

Говорю это сквозь боль, вкладывая в слова всю накопившуюся горечь.

Смотреть на него, на то, как эта пигалица прижимается к его руке, - всё равно что снова и снова проворачивать острый нож в кровоточащей ране.

Невыносимо!

Но хрен я это ему покажу.

- Вика! – Кирилл небрежно отталкивает от себя любовницу и в два шага нависает надо мной. Его горячее дыхание касается моего лица. – Что ты здесь устроила?! – уже тише шепчет муж, видимо понимая, что нас могут услышать работники.

- Я? – не отступаю ни на шаг и выше задираю подбородок. Холодная ярость и жгучая ненависть снова накатывают на меня волнами. – Это ты со своей шлюхой припёрся на мою территорию. Поэтому снова тебе говорю - пошёл вон отсюда, Кир! И забери свою недалёкую с собой!

Мы стоим напротив друг друга, словно два дуэлянта перед выстрелом.

Тяжёлое рваное дыхание вырывается изо рта.

Крылья носа гневно раздуваются.

Воздух вокруг нас трещит от ненависти.

Я ни за что ему не уступлю!

- И не подумаю! – муж рявкает мне прямо в лицо, а потом с силой отталкивает меня в сторону. Хватает притихшую Веронику за локоть и грубо тащит её за собой вглубь питомника. – Я покажу ей всё, что она захочет.

Они быстро проходят мимо меня.

Я стою, прижавшись к стене, и обнимаю себя руками. Дрожу от обиды и гнева, смотрю им вслед… и в этот момент эта тощая стерва оборачивается, и на её кукольном лице появляется холодная, расчётливая улыбка.

Она смотрит на меня... с жалостью.

- Тварь! – бурчу себе под нос, а в голове вдруг вспыхивает обжигающая, пугающая… и неимоверно манящая меня мысль.

Секунда, и холодная улыбка появляется на моём лице.

Нет, я не злодейка, но... ой, да, к чёрту всё!

Хватит быть пай-девочкой, Вика!

Разворачиваюсь и почти бегу к посту охраны. Сердце в ужасе от того, что я хочу сделать, колотится где-то в висках.

- Вадим, выведи на большой экран камеру в секторе хризантем, - мой голос звучит хрипло и тихо.

Серьёзно?

Боже...

Я правда хочу это сделать??

Охранник щёлкает кнопками, и на экране возникает картинка: Кирилл ведёт Веронику под руку между рядов пышных, цветущих кустов.

Мои хризантемы. Моя гордость. Мои цветы, которые трогает сейчас своими наглыми пальцами эта курица!

Прикрываю на мгновение глаза... и решаюсь.

Да, это низко.

Да, это по-детски.

Но, чёрт возьми, я должна получить хоть какую-то моральную компенсацию!

- Вадим, выключи запись на всех камерах. Прямо сейчас, - давлю голосом.

- Босс? – охранник смотрит на меня с недоумением.

- Сделай! – это уже приказ.

Парень, поколебавшись секунду, щёлкает несколькими кнопками.

- Готово. Запись отключена.

- Картинку на главном экране не убирай, - хриплым севшим от волнения голосом прошу.

Вадим кивает.

Похоже он уже понял, что я задумала.

Пусть.

Вытираю вспотевшие ладони о грубую ткань рабочей куртки и подхожу к металлическому щитку на стене. Со скрипом, что наждачкой проходится по моим оголённым нервам, распахиваю его.

Щелчок и передо мной открывается вид на ряд рубильников и красных и зелёных кнопок.

Нахожу глазами надпись «Система полива».

Ёще раз бросаю взгляд на экран.

Влюблённая парочка остановилась. Мой муж что-то говорит Веронике, фирменно белозубо улыбаясь, а она кокетливо жмётся к нему, заглядывая в глаза.

Растекающийся в венах гнев срывет последние предохранители.

«Простите, мои хорошие», - мысленно шепчу пышным хризантемам.

И резко, с наслаждением, перевожу тумблер на ручное управление и нажимаю на массивную красную кнопку.

Замираю на мгновение, впиваясь глазами в чёрно-белую картинку на огромном экране.

Сначала до нас доносится нарастающий гул текущей по трубам воды, а потом – оглушительный женский визг…

Экран показывает, как две застывшие в шоке фигуры резко бросаются в разные стороны… и я довольно улыбаюсь.

Верхний полив работает отменно.

Глава 18

Виктория

Быстро возвращаюсь к своим черенкам. Пальцы мелко подрагивают, и я на мгновение сжимаю их в кулаки, впиваясь ногтями в перчатки. В груди печёт, адреналин разгоняет по венам бурлящую кровь.

Мне одновременно до ужаса стыдно за свою выходку и в то же время я собою горжусь.

Раньше я бы никогда... никогда такого не сделала.

Но прежняя Вика, та, что верила в «счастливую семейную жизнь», сгорела дотла… а из горького серого пепла поднялась вот эта – женщина, что не молчит и кусает в ответ, женщина, что без раздумий даёт предателям сдачи.

- Ничего, - говорю сама себе, укладывая тонкий черенок в грунт. – Не сахарные. Не растают.

- Вика!!! – громкий крик Кирилла раздаётся за моей спиной.

Начинается.

Медленно выпрямляюсь, отряхиваю руки от земли, расправляю плечи, оборачиваюсь… и улыбаюсь, а вернее стараюсь сдержать громкий смех, рвущийся из груди.

Картина, что открывается моим глазам, могла бы войти в учебник по комедии положений, не будь она так горька.

Мой шикарный муж, всегда такой лощённый и деловой, сейчас стоит в луже стекающей с него воды. Дорогой костюм безнадёжно испорчен, чёрные волосы липнут ко лбу.

Он яростно вытирает лицо смятым платком, и его карие глаза мечут в меня шаровые молнии.

Рядом, прижавшись к нему, как мокрый цыпленок, стоит его «девочка». Шикарный макияж Вероники расползся по лицу чёрными подтёками, дорогая ткань платья липнет к голым тощим ногам, укладка испорчена. Выглядит она жалко.

- Вика! Какого чёрта ты творишь?! – уже никого не стесняясь орёт Кир, срываясь на хрип.

Поднимаю бровь, складываю руки на груди.

- А что случилось? Я же говорила тебе уйти. Но ты не послушал. – Удивительно, но мой голос звучит уверенно и не дрожит, хотя пульс от волнения отбивает чечётку в висках, а пылающее обидой сердце бьётся в горле. - Ты прекрасно знаешь, что у нас автоматическая система полива, - говорю, глядя предателю-мужу прямо в глаза… и да, я вру. И нет, мне не стыдно. Ни единой крошечной капли. – Срабатывает по таймеру. Но ты же самый умный, хотел «девочке» своей всё показать... – в моём голосе проскальзывают острые, как лезвие, нотки гнева. – Ну как? Показал? А теперь – скатертью дорога отсюда!

Стою, смотрю на мужа и чувствую, как гневно подрагивают крылья моего носа. Пульс частит так, что в голове стоит невозможный гул, но я не отвожу взгляда.

Кирилл пышет от ярости, зло сжимает и разжимает кулаки. Рядом его «мокрая курица» пытается отжать подол своего платья, издавая жалобные скулящие звуки.

- Ну и сукой ты стала, Вика, - цедит муж сквозь сжатые зубы и тащит Веронику к выходу.

- Сочту это за комплимент, милый! – бросаю им вслед и, наконец, выдыхаю.

Кажется, этот раунд я выиграла. Но, увы, это не приносит радости, только пустоту и леденящую душу усталость… и я не уверена, что выдержу вторую часть этой пьесы вечером.

Захожу в подсобку, снимаю рабочую куртку, убираю перчатки.

Что Кир придумает? Как будет мстить за мою выходку?

Тяжело дышу, снова сжимаю руки в кулаки.

Так, Вика, соберись!

Ты сейчас не имеешь права опускать руки и расслабляться.

Позволишь себе хоть на секунду дать слабину и, он тебя сожрет. Думай не только о себе - за тобой дети.

«Так, вдох-выдох. Собралась! - мысленно командую себе. – Что нужно сделать в первую очередь?»

План.

Да, мне нужен чёткий план действий.

Итак, сначала нужно записаться к гинекологу.

Мысль о том, что муж мог притащить от своей любовницы какую-нибудь заразу, заставляет всё сжаться внутри, потому что его Вероника... она не выглядит как девушка, разборчивая в своих связях.

«Вероничка-венеричка», - неожиданно выдаёт мой измученный мозг.

Сначала я охаю, закрывая ладонями лицо… а через пару секунд... начинаю хохотать.

Дико, истерично, сгибаясь пополам над столом.

Слёзы катятся по щекам, и я понимаю, что это уже срыв.

Моей нервной системе срочно нужна передышка от этого ада.

Спустя несколько минут истерика отступает, оставляя после себя странное опустошение.

Умываюсь ледяной водой.

Выдыхаю.

Поднимаю голову и смотрю на своё отражение в небольшом овальном зеркале.

Глаза красные, а внутри пустота. Но я всё ещё жива.

Стараясь остаться незамеченной, прохожу в свой кабинет и быстро переодеваюсь в чистое. Завариваю кружку любимого травяного чая – нужно хоть немного унять дрожь внутри.

Пока чай остывает, захожу на сайт клиники.

Сердце бешено колотится, его пульс отдаётся в ушах, когда я кликаю на удобное мне время, чтобы записаться к врачу на завтра.

Вот. Первый шаг сделан.

Теперь адвокат. Но это уже завтра. Сегодня... сегодня нужно просто пережить вечер.

Подхватываю сумочку, вызываю такси. Всю дорогу домой молча смотрю в окно, пытаясь морально подготовиться к новой битве.

Кир вполне уже может быть дома.

Останавливаюсь у входной двери.

Вдох-выдох.

Поворачиваю ключ в замке, открываю дверь… и застываю на пороге, потому что из гостиной раздаются громкие голоса людей, которых я совершенно не хочу сейчас видеть.

Глава 19

Виктория

- Ну, наконец-то! – раздается визгливый голос, едва я переступаю порог гостиной.

Моя мачеха восседает на нашем диване, как королева на троне, и недовольно поджимает губы, подчеркнутые ярко-алой помадой. Длинные чёрные волосы сегодня собраны в высокий хвост. На ухоженном лице ни единой морщинки.

Пластические хирурги поработали над ней на славу – никогда не скажешь, что ей под пятьдесят. Карие глаза, аккуратно обведенные чёрным, смотрят на меня с холодным презрением.

«Ну надо же, кто к нам пожаловал. Какая честь», - горько усмехаюсь про себя.

Нехотя перевожу взгляд на отца.

Сергей Сергеевич Хлынский.

Высокий, поджарый, харизматичный.

Владелец заводов, газет, пароходов и тд, и тп.

Светлые волосы с благородной проседью красиво уложены. Белый тонкий свитер не скрывает его мощных плеч и статной фигуры.

«Несмотря на то, что этого человека я давно перестала звать папой, мужа я, видимо, выбирала похожего на него... Вот и получила такого же предателя...» - эта горькая мысль неприятно проскальзывает в сознании.

- Вика... здравствуй, - поворачивается ко мне отец. Его острый оценивающий взгляд медленно и методично проходит по мне с головы до ног.

Делаю шаг вперёд и встаю рядом с сыном, чувствуя, как спина сама собой выпрямляется.

- Здравствуйте. Чем обязаны вашему неожиданному визиту? – мой голос звучит холодно и ровно.

Скрещиваю руки на груди, принимая оборонительную позу.

Милана тут же подходит и прижимается ко мне.

Обнимаю дочь, чувствуя, как мелкая дрожь проходит по её телу.

- Поставишь чайник, милая? – тихо спрашиваю, чтобы вывести Милану из-под обстрела двух пар глаз наших нежаданных гостей.

Она кивает и быстро убегает на кухню.

Андрей остаётся стоять со мной плечом к плечу. Он молчит, но его поза говорит громче любых слов: «Я с тобой». И я понимаю, что сын не уйдет, даже если я попрошу.

Что ж, может, это и к лучшему.

- До меня дошли кое-какие слухи, Вика, - начинает отец. Его низкий властный голос неприятным трепетом проходит по моему телу. – И я хочу узнать всё из первых уст. – Он впивается в меня своим жёстким взглядом. – Ты изменяешь Кириллу?

Из меня вырывается громкий, короткий смешок.

Горький и неуместный.

Но я просто не могу сдержать моментально вспыхнувшие в душе эмоции.

- Нет, отец. Я не изменяю своему мужу. К счастью, я слишком похожа на свою мать.

Отец хмурится, его губы сжимаются в тонкую ниточку, но он молчит.

А вот Гузель, женщина, ради которой Сергей Сергеевич Хлынский бросил мою мать, не упускает своего шанса укусить меня.

- Как ты смеешь так разговаривать с отцом, неблагодарная?! – она взвизгивает. – Да Серёжа всё для тебя делал! Всю жизнь!

Ну, всё. На сегодня с меня уже слишком самоуверенных наглых коз!

Вспыхиваю мгновенно.

Резко поворачиваюсь к ней, и мой взгляд, должно быть, становится поистине убийственным, потому что Гузель сразу замолкает.

- Что именно? – шиплю я. – Училась я на бюджете, кормила меня мама, работающая на двух работах. Свой питомник я создала собственными руками. Разве я хоть раз просила у вашей четы какой-либо помощи или деньги? – каждое моё слово бьёт по мачехе как удар хлыста. – Нет! Вы верно путаете меня с любимой Ренатой, которую мой отец с удовольствием спонсирует. - Зло выдыхаю, чувствуя, как от этих выплеснутых в порыве слов, годами копившихся внутри, мне самой становится легче. – Я думаю, вам лучше уйти. И больше не приходить в мой дом без приглашения.

- Серёж! – Гузель смотрит на моего отца, ища поддержки, её накрашенные глаза округляются от возмущения. – Неужели ты позволишь ей так с нами разговаривать?

Удивительно, но отец не смотрит на неё.

Он не сводит глаз с меня… и в его взгляде я читаю не гнев, а что-то другое... что-то тяжёлое, невысказанное…

Это сбивает меня с толку.

Где его привычная тирада?

Почему не звучит приказ извиниться?

Он медленно поднимается с дивана.

- Я услышал тебя, Вика. Пойдем, Гузель. – Твёрдо произносит отец и уверенно шагает в коридор… и впервые на моей памяти не берёт жену под руку.

Ошеломлённая таким поведением мужа Гузель Фаридовна вскакивает с дивана и, бросив на меня ядовитый взгляд, быстро семенит за ним в коридор.

Иду следом, чтобы закрыть за ними дверь и, наконец, выдохнуть.

Эти редкие встречи с отцом всегда выжимают из меня все соки, а сегодня я и так, мягко говоря, уже не в лучшем виде.

Гузель выпархивает на улицу, не оборачиваясь, а отец задерживается на пороге. Он оборачивается, и наши взгляды снова сталкиваются… и в его голубых глазах сегодня нет привычной суровости, там что-то другое.

- Вика, если тебе будет нужна помощь, обращайся, - говорит он твердым, уверенным голосом и, не дожидаясь моего ответа, разворачивается и уходит… потому что прекрасно знает – после его предательства я никогда к нему не обращусь.

Никогда.

Глава 20

Виктория

Проходит уже несколько часов после ухода отца и его пассии, и сейчас тишина в доме уже не кажется мне такой звенящей.

Чемоданы с вещами Кирилла, собранные детьми с дотошной тщательностью, стоят в коридоре. Я хмуро смотрю на них, и они кажутся мне уродливым напоминанием о моём рухнувшем мире.

Мы выставили их к входной двери заранее, чтобы Кириллу не пришлось заходить вглубь дома.

Чтобы он просто взял эти баулы и исчез. Желательно навсегда, но, увы, так не получится.

Если мы с ним разведёмся и станем друг другу никем, то детям придётся с ним видеться и общаться.

Знаю, сейчас в них бурлят эмоции, но постепенно они остынут.

Мила – папина дочка. Ей сложно будет без внимания Кира.

Андрей уже молодой мужчина, но твёрдое отцовское плечо, подставленное в трудный момент, ему тоже нужно.

Да, я прекрасно понимаю, что Кир навсегда не исчезнет из моей жизни, так как нас будут связывать наши дети, но я постараюсь максимально дистанцироваться от него.

Отпиваю глоток уже холодного чая.

Время близится к вечеру, и моё сердце с каждой минутой всё сильнее стучит в груди, предчувствуя новую встречу с мужем.

Я очень хочу быть равнодушной в этот момент, но даже сейчас внутри меня бушует настоящая буря.

Чёртовы гормоны никак не дают мне успокоиться.

Если после визита отца мне хотелось свернуться калачиком и вычеркнуть очередной день из памяти, то теперь, с приближением часа икс, меня буквально подбрасывает на волнах адреналина.

Противоречивые чувства разрывают изнутри. С одной стороны, есть дикое желание крушить всё вокруг, бить посуду, прокричать мужу в лицо всё, что я о нём думаю. И вместе с этим, мне очень хочется тишины и спокойствия – чтобы Кирилл просто ушёл, и я наконец-то смогла сделать первый вдох в своей новой, абсолютно ещё незнакомой мне жизни свободной (не хочу употреблять слово "брошенной") женщины.

«Любовь пройдет, - на повторе твержу я себе, глядя в тёмное окно кухни, в котором отражается моё бледное, взволнованное лицо. – Кир так старательно топчет её ногами, что она не может не умереть».

А я – боец. Всегда была такой.

Это рядом с Кириллом я позволила себе расслабиться и стать мягкой, нежной, любящей. Я растворилась в семье и в своём хобби, ставшем впоследствии настоящим бизнесом.

Зря.

Это была моя ошибка. И теперь мне предстоит обратный процесс.

Мне снова нужно будет научиться самой нести ответственность за свою жизнь и за жизни своих детей.

Да, это будет сложно, но я справлюсь.

Когда ворота открываются, и я слышу знакомый рокот двигателя во дворе, я уже морально готова к встрече с Киром.

Детей я попросила не выходить из своих комнат.

Не хочу, чтобы они становились свидетелями очередной нашей ссоры.

Негромкий щелчок входной двери звучит в тишине дома как выстрел.

Выхожу в коридор, спиной опираюсь о стену и скрещиваю руки на груди.

Кирилл хмуро осматривает выставленные чемоданы, а потом его злющий взгляд устремляется на меня.

- Какого чёрта тут происходит, Вика? – его тихий опасный шёпот, приподнимает на моих руках все маленькие чувствительные волоски, но я не подаю вида, что слова Кира как-то влияют на меня. Взгляда не отвожу.

- По-моему, всё очевидно. Ты съезжаешь.

От дуэли наших взглядов воздух между нами накаляется. Кажется, чиркни спичкой и всё полыхнет.

- С какого это хрена? – Кир шипит, и его лицо искажает гримаса ярости. – Это мой дом, Вика, если ты забыла!

Он с силой пинает ближайший к нему чемодан, и тот с грохотом падает на пол.

- Он был нашим. – Мой голос от волнения становится хриплым, и я проклинаю себя за эту слабость. Мои пальцы сильно впиваются в предплечья. – Но ты решил, что в другом месте тебе лучше.

Внутренне меня уже потряхивает.

Я не знаю, что буду делать, если Кирилл сейчас не уйдет.

Жить с ним под одной крышей будет немыслимо. Нам с Милой придётся быстро собрать свои вещи и съехать к Андрею. Хорошо, что у него есть своя квартира.

- Я ничего не решал! – рявкает муж… и срывается.

Резко, в два шага, он оказывается передо мной.

Я даже пискнуть не успеваю, а его рука уже мёртвой хваткой сжимается на моей шее.

Ещё мгновение и Кир с силой вжимает меня в стену.

Больно бьюсь затылком. Воздух из лёгких с хрипом вырывается наружу.

Страх ядовитой змеёй подбирается к моему грохочущему сердцу.

Задыхаюсь. Пальцами стараюсь ослабить его железную хватку, царапаюсь, но всё бесполезно.

В глазах плывут тёмные пятна.

- Это ты... – сквозь невозможный гул в ушах я слышу мужа. Едкие слова вырываются из него с хрипом, а полные жгучей ненависти глаза прожигают меня. – Это ты решила, что можешь предать меня! Предать нашу семью! Как ты могла, Вика?! Чего тебе не хватало?!

Глава 21

Виктория

Мир сужается до жгучей боли в горле и до безумного взгляда карих глаз мужа в паре сантиметров от моего лица.

Его горячее злое дыхание оседает на моей коже, а я задыхаюсь.

Жадно ловлю открытым ртом крохи воздуха. Лёгкие уже горят, сердце дико бьётся в груди, отдаваясь страшным гулом в ушах.

Кирилл просто сошел с ума!

Он же знает, что на тех фотографиях, которые он веером раскидывал в гостиничном номере, не я!

Пока я отчаянно пытаюсь разжать его пальцы и отодрать от себя его руки, Кирилл не спускает с меня полного жгучей ненависти взгляда.

Он пригвождает меня к стене… и в какой-то момент мне даже кажется, что муж наслаждается моей болью, моим ужасом, моей паникой.

Боже, да!

Он получает удовольствие от моего унижения. Кир сейчас упивается своей властью надо мной.

Боже…

- Что... что я тебе сделала? – хриплый шёпот срывается с моих обескровленных губ. Я впиваюсь ногтями в его руку, отчаянно желая освободиться, но мои пальцы лишь бессильно скользят по его сжатым вокруг моей шеи пальцам. – За что ты так ненавидишь... меня?

Моргаю, перед глазами плывут тёмные пятна. Веки становятся свинцовыми, и мне всё сложнее держать их открытыми.

На лице Кирилла появляется холодная, не предвещающая ничего хорошего улыбка.

Оскал хищника даже.

- Двадцатое мая. Отель «Элиот». Ты и Марат в одном номере. Вспоминаешь, Викуся?! – чеканит эти слова он мне прямо в лицо, и они обжигают меня, словно кислотой.

И вдруг муж разжимает свою хватку и отряхивает свои руки, словно прикоснулся к чему-то грязному.

Ноги подкашиваются, и я кулём оседаю на пол.

Сильно бьюсь коленями о плитку, и прошившая меня острая боль на пару мгновений затмевает собой всё остальное.

Закрываю глаза. Сижу согнувшись на полу и начинаю жадно, судорожно глотать открытым ртом воздух, который тут же обжигает внутренние стенки горла.

И в этот момент в прихожую влетает Андрей.

- Отойди от неё! Сейчас же!!! – его хриплый голос звенит от злости и напряжения.

С трудом, но открываю глаза.

Сын встаёт между мной и Кириллом, его спина сильно напряжена, руки сжаты в кулаки. Он застывает перед Киром как разъярённый зверь, готовящийся к прыжку.

- Андрей, не лезь не в своё дело! – гремит надо мной голос мужа.

- Тронешь маму ещё раз, и тебе конец. Понял?! После сегодняшнего можешь забыть, что у тебя есть сын! А теперь проваливай! Вон отсюда!!!

- Папа, как ты мог?! – из гостиной раздаётся громкий визг Милы. Она подбегает ко мне и опускается рядом со мной на колени. Её руки дрожат, когда она обнимает меня. Дочь поднимает на отца заплаканное, искаженное невозможной злостью лицо. –Убирайся! Я тебя ненавижу! Ты чудовище!

Кирилл смотрит на нас троих – на меня, шокировано сидящую на полу, на дочь, проклинающую его, на сына, готового его убить… и что-то в его лице меняется.

Ещё пара мгновений нашей молчаливой дуэли, и Кир резко поворачивается, со злостью отшвыривает от себя чемоданы и выходит.

Дверь за ним с громким хлопком захлопывается.

Тишина, воцарившаяся в помещении, оглушает. Напряжение по-прежнему ядом растекается в воздухе.

Я до сих пор пребываю в ужасе от всего, что произошло сейчас.

Муж готов был убить меня.

Понимание этого обжигает внутренности диким огнём.

Андрей приходит в себя быстрее нас с Милой. Не говоря ни слова, он присаживается и подхватывает меня на руки.

Обвиваю шею сына руками.

Милана, всхлипывая, идёт за нами.

Сын заносит меня в гостиную и осторожно опускает на диван.

Я прикладываю ладони к горящим ладоням. По телу проходит мелкая, неконтролируемая дрожь.

- Мам... мамочка, всё хорошо… папа… он ушёл, - Мила укладывает меня на подушку и накрывает одеялом, её тонкие пальцы трепетно гладят меня по спутанным волосам. Я слышу, как она громко всхлипывает, и это рвёт мне душу.

Такого не долно было случиться с нами! Никогда!

- Выпей, - Андрей подносит к моим губам полный воды стакан, помогает приподняться, придерживая мне голову, а я замечаю, как его рука дрожит.

Падаю обратно на подушку, поднимаю на детей свой взгляд, и вижу в их глазах ужас, панику, растерянность.

Они не понимают, что происходит.

Мне нужно что-то сказать им, успокоить, что со мной все в порядке… но я не могу… не могу вымолвить ни слова.

Я просто лежу и беспомощно трясусь, а в голове, как заевшая пластинка, снова и снова звучат слова Кира, брошенные с такой ненавистью:

«Двадцатое мая. Отель «Элиот». Ты и Марат в одном номере. Вспоминаешь, Викуся?!»

Прикрываю глаза, потому что сил нет бороться... а память уже безжалостно бросает меня в тот злополучный день… и я отчётливо понимаю, какую чудовищную ошибку совершил Кир… и даже знаю, чью ложь он принял за правду.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.